

18+

Николай Николаев

**СЛЕДОВАТЕЛЬ
И КОРНЕЕВ**

Повести и рассказы

Николай Николаев
Следователь и Корнеев.
Повести и рассказы

«Издательские решения»

Николаев Н.

Следователь и Корнеев. Повести и рассказы / Н. Николаев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-530815-3

Практически все рассказы, размещённые здесь, имеют истоки в прошлой следственной деятельности автора. Фабула рассказа, персонажи, житейские ситуации — всё навеяно совершёнными когда-то преступлениями, в расследовании которых Николай Николаев принимал участие. Автор в художественной форме исследует природу антисоциального поведения и логику обстоятельств, приводящих человека к конфликту с обществом и миром.

ISBN 978-5-00-530815-3

© Николаев Н.
© Издательские решения

Содержание

Следователь и Корнеев	6
1	6
2	10
3	12
4	14
5	18
6	22
7	25
8	32
9	34
10	38
11	41
12	44
13	47
14	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Следователь и Корнеев Повести и рассказы

Николай Николаев

© Николай Николаев, 2021

ISBN 978-5-0053-0815-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Следователь и Корнеев Повесть

1

Мне не привыкать общаться с мёртвыми. День и ночь они в моей голове. Одни уходят, приходят другие. Специфика профессии, так сказать. Взять, к примеру, патологоанатомов. Того же Забелина. Ну кто скажет, что он нормальный человек? Обедает там же, где мертвеца только что выпотрошил. Сынишку малолетнего тихонько приобщает к своему ремеслу. Как ни зайду к ним – мальчишка возле отца и трупов. Чудак? Да. Больной? Может быть. Но с работой справляется. А очередь из претендентов на его должность в морге что-то не толпится. Вот и я. Не афиширую свои странности, хотя уже порядком устал притворяться нормальным человеком. В самом деле, мне что, взять и брякнуть начальнику напрямик с порога: дайте мне отпуск, устал – мертвяки приходят ко мне днём и ночью? Скажу и живо перекочую из следственного кабинета в палату психиатрической лечебницы.

Вот и сейчас напротив моего стола, там, где обычно сидят свидетели и подозреваемые, разместился убитый Корнеев. Ишь как расселся! Сидит и смотрит на меня. Выжидательно так смотрит. Испытующе.

Бросив на стол новое дело, я разочарованно опустил в кресло. Несколько куцых протоколов, два рапорта – и прощай отпуск! Спасибо Брагину. Знал бы я, что стажёр когда-нибудь обойдёт меня и станет начальником, то уговорил бы его идти после стажировки в адвокаты, нотариусы, конкурсные управляющие или ещё куда подальше. Только не в следственное управление. Сейчас бы мне жилось куда как спокойнее. Пионерское моё прошлое, будь оно неладно, не позволило переступить совесть и каверзно оборвать на взлёте карьеру будущего начальника...

Ни о каком энтузиазме погружаться на несколько месяцев в новое расследование не могло быть и речи. Ведь только что сдал завершённое дело. И действительно выдохся. Но это убийство, сказал Брагин, на особом контроле у прокурора области. Хочешь не хочешь, а придётся впрягаться. Иначе начальник быстрёхонько выживет куда-нибудь: сначала в отдел кадров перебирать бумажки, а затем и в жалобный отдел принимать кляузы от граждан. С него станется. Даром что мне в своё время пришлось натаскивать, учить его азам следствия, давать, так сказать, путёвку в жизнь...

Вздыхнув, я взял в руки тонкую папку уголовного дела.

Убийства и кровь здесь, на промышленном Урале, с девяностых годов стали обычным делом. Особенности передела собственности. Делёжка заводов, рынков, торговых точек, финансов... Обезумевшие люди забыли моральные установки, которые им вбивали в головы все семьдесят четыре года существования советской власти. Мало того – отбросили в сторону даже самые обычные человеческие ценности. Принялись убивать друг друга за пакет акций, за долю в уставном капитале, за квадратные метры жилья, за дозу наркотика. Это тебе не ажиотаж в эпоху зрелого социализма со строительством Байкало-Амурской магистрали, когда молодёжь бросала студенческие аудитории ради таёжной романтики. Теперь люди строят не мифическое будущее для непонятных потомков, а конкретное собственное благополучие. Ну, может быть, ещё для своих детей. Особо дерзкие умудряются позаботиться о благополучии внуков и правнуков...

– Вот так вот обходятся с нами, предпринимателями, в это смутное время, дорогуша! – подал наконец голос Корнеев. – Это просто ловушка какая-то: рынок! инициатива! А потом, значит, пуля в тёмном закоулке?

– Кинул кого-то! – раздражённо оборвал я его. Фамильярности не терплю даже от мёртвых.

– Может, и потеснил одного-другого, да, Иван Иванович. Что ж вы хотите-то? Ведь это бизнес! Это время такое, чтоб его... Работал бы сейчас тихо-мирно где-нибудь на Уралмаше. Получал премии за перевыполнение плана. Но сами видите, что творится. Ничего не попишешь, капитализм! Вот и пришлось впрягаться. Да, может, и толкнул кого. Так что теперь? Пулю ловить за это?

Постоянное присутствие жертвы я воспринимаю довольно спокойно. Привык. Мало того, оно, это присутствие, даже помогает мне в расследовании. Предполагаю, что в будущем следователь получит возможность обращаться в своём поиске не только к следам физическим: кровь, потожировые выделения, запах и так далее, – но и к нематериальным. Думаю, есть что-то в спиритических сеансах, в которых медиумы обращаются с вопросами к духу умершего человека. Что-то есть. Правда, мертвяки ничего нового мне не сообщают, а всего лишь помогают разобраться с уже ранее добытой информацией.

Что поделаться, не медиум я, а всего лишь рядовой следователь.

Надо сказать, свой первый следственный опыт я приобрёл ещё в детстве, когда учился в классе седьмом. Уж лучше бы его не было, этого опыта!

Тем летом в озере Бездонном, расположенном в южноуральской степи, в окрестностях родного посёлка, утонул мой пятилетний брат. И вправду озеро было таким – бездонным. Это установленный факт. Никто не смог определить его глубину. Разлом, говорят, там какой-то в земной коре. В озере Бездонном во время освоения целины ушёл под лёд трактор с трактористами Банщиковым и Садыковым, тянувшими кунг для первых жителей посёлка первопроходцев. Бедолаг так и не нашли. Фамилии молодых комсомольцев, так неудачно отправившихся по молодёжным путёвкам добывать новый хлеб для Родины, дали двум улицам в поселении. Сам посёлок назвали Комсомольским, а на трактор махнули рукой.

В озере сгинули также несколько коров, а вместе с ними и пастух Волосников. Ответственный был мужчина, радел за вверенное ему имущество. Кто-то жертвовал своей жизнью, спасая от пожара хлебное поле и колхозный трактор, Волосников – спасал совхозных коров. В проклятом озере бесследно исчез Павлов со своим мотоциклом. И вот – мой братишка, когда отец не углядел за ним, увлёкшись рыбалкой. Батя ещё несколько месяцев после смерти брата выкатывал из гаража мотоцикл и привозил меня на озеро. Мы шли по берегу и всматривались в густые, высокие камыши, надеясь найти брата. Но где там!

Приезжал я на озеро и один, уже самостоятельно, после самоубийства отца. С его смертью прибавилось забот. Когда мать посылала меня мыться в баню, я садился в предбаннике на тот самый диван, на котором папаша разнёс себе голову выстрелом из дробовика. Перед тем как зайти в жаркую парную, я снова и снова выискивал глазами, остались ли где-то ещё брызги крови? Как мать ни старалась, как ни отскабливала диван, ни забеливала стены и ни окрашивала пол – мне всегда удавалось найти хотя бы маленькую капельку отцовской крови: где-то на тыльной стороне ножки дивана или вешалки либо же рядом с потёками свежей краски между половицами. Не знаю, чего тут было больше в этой моей привычке – нездоровой дотошности или откровенного невроза? Наверное, и того и другого хватало. Для меня это было пыткой, ходить в баню, где отец застрелился. Но я ничего не говорил матери. Каждый раз, воссоздавая картину случившегося, оживлял отца в его последние мгновения и чувствовал, что тем самым вырываю у Бездонного озера очередную жертву. «Что же ты наделал, батя?» – говорил я отцу. Но что он мог мне ответить? Только вздыхал, опустив низко голову. Это был мой первый следственный опыт. Я крепко тогда усвоил: следы остаются всегда.

Когда стрелки часов показали ровно десять, пришла вдова Корнеева. Сначала раздался негромкий стук в дверь.

– Входите!

Молчание. Пришлось повторить приглашение уже громче. И вот вошла она. Бросив на неё взгляд, невольно вздрогнул. Я знал эту женщину! Определённо знал! Похоже, и она меня узнала. Быстро встал из-за стола и предложил ей стул. Принял плащ, который она держала в руках, и, возбуждённый этой встречей, вернулся за стол. Женщина, как мне показалось, также была взволнована. С минуту я рассеяно улыбался, перекладывая на столе бумаги. Ну и встреча! Однако лихорадочно вспоминал её и не мог вспомнить. Я вопросительно посмотрел на женщину. Она улыбалась, уводила взгляд куда-то в сторону, отдавая мне инициативу узнавания. Лет тридцать пять, от силы – сорок, чуть выше среднего роста, светлые волосы, обвязанные чёрной траурной косынкой, чётко очерченный рот, заострённый подбородок и умный взгляд. Красивая женщина, ничего не скажешь. Но даже в её улыбке чувствовалась какая-то горчинка. Что ж... вдова.

Вопросы я задавал рассеянно, то и дело возвращаясь к выяснению одних и тех же фактов. Часто переспрашивал. И всё пытался вспомнить, когда же судьба сводила вместе меня и эту женщину? Ну ладно, подумал я затем, не будем торопить события, сейчас откроется, где это мы с ней встречались.

– Поясните, куда направлялся ваш муж?

– Он хотел купить товар в Челябинске. Какой – не знаю. Меня в эти тонкости не посвящал. Павел рассказывал, что всё было готово для сделки. Рассчитывал выехать из Екатеринбурга рано утром, в шесть часов. Вышел из дома за пять минут до назначенного времени с чёрным пластмассовым дипломатом, в котором находились деньги...

Волнение женщины улеглось. Не исключено, что оно было вызвано самим фактом явки к следователю. Ничего в ней не говорило о возможном знакомстве со мной. Речь её текла монотонно, иногда она останавливала взгляд на фотографиях, висевших на стене.

– ...до машины дойти не успел. Как только покинул подъезд, сразу же раздался выстрелы. Два хлопка, не меньше. А потом я услышала топот – кто-то убегал. И крик Павла. Он просил вызвать «скорую помощь».

Женщина рассказывала, но во всём её облике, сосредоточенном взгляде угадывалась работа мысли. Она вспоминала. Как мне показалось, вспоминала что-то, не относящееся к предмету разговора. Я отметил, что об убийстве мужа она говорила как о чём-то обыденном. Как будто это случалось с ней каждое утро. Раз за разом у неё убивали мужа, которого приходилось заново хоронить и с такой же монотонной неизбежностью идти, как на работу, в прокуратуру и давать показания. Но я понимал: такое равнодушие Корнеевой могло быть реакцией на глубокое эмоциональное потрясение.

– Он успел сказать что-нибудь перед смертью? Кто стрелял?

Женщина помолчала мгновение и отрицательно покачала головой. Я задал следующий вопрос:

– Кто мог знать, что ваш муж в это утро должен был выйти из дома с большой суммой денег?

Похоже, женщина не один уже раз задавала себе этот вопрос. Она была растеряна. Знали-то ведь только самые близкие люди.

– Кто мог знать? Сергей, водитель. Алексей, его коллега. Люди с товаром в Челябинске, ждавшие его. Ну, я...

Она рассеянно коснулась пальцами своего подбородка, словно неожиданно вспомнила что-то, а я вдруг узнал до боли знакомый этот жест. Бог ты мой! Ну конечно, Светлана! Задав рассеянно ещё с десяток вопросов, я выяснил, что погибший был очень скромным предпри-

нимателем, о деятельности которого знал только узкий круг людей. Вот среди них и придётся искать преступника. Зачастую первыми подозреваемыми становятся родственники и друзья убитого. Ничего удивительного, что и в этом случае придётся выяснять, а не Светлана ли совершила это убийство. Поэтому я сделал вид, что не узнал её.

– Уж не влюбились ли вы в мою вдову? – ляпнул Корнеев, всё это время не покидавший угла моего кабинета и внимательно следивший за ходом допроса.

Боже упаси! А впрочем... нет, не влюбился. Я любил её давно.

2

Рано утром два раза в неделю она покидала наше студенческое общежитие на Июльской. Обычно к этому времени я завершал свою утреннюю пробежку по дворам квартала, между пельменной, техникумом торговли и детской поликлиникой. И возвращался в общежитие уже расслабленной походкой, разгорячённый и уставший. Она проходила мимо, низко опустив голову, словно боялась встретиться со мной взглядом. Румяное, взволнованное лицо, наспех собранные в конский хвост светлые волосы позволяли мне сделать предположение, что она всю ночь, даже утром «на дорожку», занималась любовью. Счастливчик стоял на крыльце у входа в общежитие и, выставив вперёд рельефно обозначившееся пузо, курил, провожая взглядом свою пассию. Это был чеченец Роман. Ему было далеко за тридцать, но он всё ещё числился студентом и одновременно комендантом общежития, иногда выступал на спортивных соревнованиях по вольной борьбе за честь института, а всё остальное время водил к себе симпатичных женщин. Но этой едва исполнилось восемнадцать. Поймав мой взгляд, Роман сказал:

– Хорошая кобылка! Даром что соплюшка.

Самодовольно разгладив толстыми пальцами чёрные пышные усы, он смачно сплюнул, тут же потеряв интерес к разговору. Если сказать, что я его ненавидел, – то ничего не сказать. Так бы и начистил ему морду! Возможно, эта ненависть, сдобренная презрением, во многом объяснялась элементарной завистью – ведь к тому времени у меня ещё не было девушки. Как ни крути, перед ним я ещё был щенком.

Как-то раз в начале осени я возвращался из кинотеатра «Современник», доедал купленное по пути мороженое. Роман стоял у входа в общежитие, по-хозяйски подбоченившись. Увидев меня, он обрадовался.

– Это хорошо, что я тебя встретил! Дружочек!

Приобняв за плечи, он увлёк меня в тамбур и, оглядываясь по сторонам, зашептал скороговоркой:

– Слушай, жена приехала. Прямо из аула. Не предупредила. Понимаешь? Ты забери девку мою. Я объяснил жене, мол, это она тебя дожидается. Скажи Фатиме, что пацанка твоя невеста, ладно? Хотел же ты поменять свою комнату, верно? Забери девчонку, друг, выручай! И я тебя потом переселю, куда ты скажешь!

На подходе к своей комнате Роман стал шумно, на весь коридор, изображая возмущение, ругать меня:

– И где ты шляешься? Она у меня полдня сидит!

И уже своей жене, когда мы вошли в комнату, Роман пояснил:

– Вот молодёжь. От мамки вырвались и бегают по городу целыми днями. А у меня за них должна голова болеть!

Он сунул что-то мне в руку:

– Вот ключ от бытовки, там её вещи.

Сидевшая у телевизора девушка сыграла роль не хуже Романа. Она сорвалась с места и под внимательным взглядом одетой во всё чёрное женщины стала обнимать и целовать меня. Вот так я познакомился со Светланой. И с того дня встречался с ней регулярно, начисто забыв про учёбу. В голове была только она. Правда, сама прелестница, похоже, никаких чувств ко мне не испытывала. Только отдавала должное моему любовному безумству и сексуальной ненасытности. Из любопытства – надолго ли меня хватит, да ещё, наверное, чтобы досадить своему бывшему партнёру, ходила ко мне пару месяцев. Два или три раза, заняв денег у друзей, я водил девушку в ресторан «Малахит», любимое место отдыха её друга Романа. И после этого она вдруг исчезла из моей жизни, но не из сердца. Эта была моя первая женщина.

Друзья с завидным упорством делали попытки женить меня, но безуспешно. Я чувствовал, что кажусь всем барышням, молодым и не очень, несколько странным. Может быть, они, как кошки, чуяли, что я вижу мёртвых? Не исключено. Но, возможно, я просто не мог забыть, как той золотой осенью не очень разборчивая в любви девчонка разбудила мои чувства.

3

Пожалуй, самое главное в работе следователя – осмысливать полученную информацию. Но, перечитывая протокол допроса Корнеевой, я не мог сконцентрироваться на убийстве. Мои мысли уводил в сторону доносящийся из коридора негромкий, но оживлённый разговор. Это жертвы убийств сидели и тихо переговаривались в ожидании решения следователей.

– Не шантажировала я его, он лжёт, – говорила убитая девушка, дело которой расследовал молодой следователь Борисов. – Он заманил в лес и задушил меня только потому, что боялся своей жены и опасался огласки.

– А я, признаться, сама виновата, – говорила другая женщина, «подопечная» следователя по особо важным делам Зайцева. – Опростоволосилась: чтобы убить своего конкурента, наняла таких уродов! Но согласитесь – коварство невиданное. Я им даю расчёт за исполнение, а они меня – в лес и ножом по горлу!

Слышался также и голос моего Корнеева.

– Не пойму, – тихо возмущался он, – сначала дают карт-бланш, торгуйте, мол, как хотите, а потом пулю в лоб! Когда же появятся условия для нормального бизнеса?

А я всё думал о Светлане. Как любит жизнь иногда подшутить над нами! Убитый Корнеев был мужем моей девушки! Впору идти к начальнику и писать заявление о самоотводе. Но ведь не поверит, собака. Насколько мне известно, у неё с погибшим Корнеевым одна, уже совершеннолетняя, дочь. В семье случались ссоры. Светлана признала, что несколько месяцев они жили отдельно, пробуя вариант развода. Сама она была вполне самостоятельной женщиной. Работала ведущим специалистом на Екатеринбургском почтамте и зарабатывала вполне прилично, чтобы быть независимой. В общем, на сегодняшний день за неимением лучшего Корнеева у меня является главной подозреваемой. Тем не менее, я признал её потерпевшей по делу и после этого отправился в морг на вскрытие трупа.

Высокий и худощавый патологоанатом Забелин в тонких резиновых перчатках менял инструменты, как ловкий жонглер. Ему бы в цирке работать, а он в морге прозябает! Корнеев вытянулся голышом на столе из нержавеющей стали и, не обращая внимания на манипуляции судмедэксперта, сопровождал процедуру вскрытия хвастливыми комментариями.

– Одна пуля прошла навывлет, пробив лёгкое, – ткнул он пальцем себе в грудь. – Другая застряла здесь, в животе, и вызвала обильное кровотечение. Если бы скорая помощь вовремя приехала, то я смог бы выжить!

– Получается, – предположил я, – киллера не сильно заботило, скончается жертва или нет. Контрольного выстрела не последовало. Схватил дипломат с деньгами и сбежал, подлюга.

– Значит, лично ко мне претензий нет? Меня не в чём упрекнуть? – Самодовольная улыбка-grimаса застыла на лице Корнеева. – Чист как стёклышко я, получается! Всё дело в деньгах! – радовался он так, словно я должен был выдать ему билет в рай.

А я смотрел на мёртвое синее лицо и думал: «Он был мужем моей Светланы!» Вернувшись из морга в следственное управление, я даже не присел, а сразу стал набирать номер, который оставила вдова. Это было предприятие её мужа – «Уралхимпласт». Но телефон отзывался лишь длинными гудками. Не люблю паузы в работе и не полагаюсь на почту, когда мне необходимо вызвать важного свидетеля или совершить другое неотложное следственное действие. Я же не наседка. К тому же, говорят, волка ноги кормят. Отдав распоряжение оперативникам доставить на допрос водителя Калабошкина Сергея – того самого, который ожидал в то роковое утро убитого Корнеева, – я отправился в «Уралхимпласт» обследовать кабинет пострадавшего.

Организация находилась на той же улице, что и следственное управление. На несколько кварталов ближе к Исети, в старом монументальном пятиэтажном здании, напичканном множеством контор. Здание так и называлось – Дом контор. Архитектурный памятник советскому

конструктивизму середины двадцатого века. «Уралхимпласт» занимал в нем одну-единственную комнату. Но только согласно учредительным документам. Реального офиса у предприятия не было. По этому адресу находилась фирма, не имеющая никакого отношения к Корнееву.

Придётся возвращаться ни с чем. Хотя почему же ни с чем? У меня появилось основание сомневаться в законности бизнеса потерпевшего. По крайней мере, стало вырисовываться направление, в котором стоит устремиться в своём поиске. По учредительным документам, предприятие Корнеева разрабатывало технологию производства экологической пластиковой тары. На деле, получается, он занимался чем-то иным. А раз так, то можно говорить о существовании некоего круга лиц, чьи интересы замыкаются на извлечении прибыли в мутной воде незаконного бизнеса. Возникает вопрос – чем же реально занимался потерпевший? Ответ можно будет получить только от самого ближайшего окружения Корнеева. Вдова прояснить здесь ничего не смогла.

4

Всю вторую половину дня я занимался получением в суде санкции на прослушивание телефонных переговоров Корнеевой. Кроме того, требовалось арестовать всю её почтово-телеграфную корреспонденцию. Собственно, я только подготовил пакет документов, а в суд ходил начальник отдела Брагин. Изучая переданные мною бумаги, он долго морщился.

– Ну, что же ты, Иван Иванович, опытный следователь, а не нашёл ничего лучшего, как обратить весь свой пыл против потерпевшей? Неужели нет других фигурантов по делу?

– Жена – первый враг! – откуда-то из угла кабинета крикнул в мою защиту Корнеев. – Разве не понятно, что всё зло от женщин? Ищите женщину!

Брагин сидел, склонившись над столом, задумчиво постукивал ручкой по дужке своих очков и даже не поднял головы от бумаг. Раньше он не носил очков и, прямо скажу, всегда казался мне туповатым. Этаким колхозный бригадир. Решительный и грубый. Ветерок коварно разметал на его склонённой начальственной голове русые волосы, обнажив завуалированную розовую лысину. Я непроизвольно погладил себя по макушке. Брагин был младше меня, но мои волосы ещё были на месте. Хоть в этом-то я преуспел!

Судя по всему, Брагину комфортно было сидеть в большом кресле и чувствовать себя генералом, главным над двумя десятками следователей и одним следователем по особо важным делам. Впрочем, до генеральской должности ему оставалось сделать по служебной лестнице всего один шаг. Шажок до заветной цели... Надо сказать, ему всегда везло. Вот и эта должность ему досталась благодаря несчастному случаю с предшественником, Вадимом Потоповым. Вадим с женой направлялся утром на работу. На Щербакова их машина столкнулась со встречной. Они погибли. Двое детей остались сиротами.

– Не должности, а детей мне жалко, – жаловался Вадим. Я видел бывшего начальника так же отчетливо, как и убитого Корнеева. Слово он только что из командировки и ходит по кабинету, раскладывая по углам вещдоки. – Самое важное нельзя перепоручать никому! – говорит он и осекается, вперив в Брагина ненавидящий взгляд.

Из старой гвардии, которую набрал Вадим, создавая следственный отдел, остались только я и Зайцев, следователь по особо важным делам. Матёрого зубра Зайцева Брагин упорно и методично спихивал с должности, намереваясь назначить важняком бестолкового Борисова, своего протеже. Со мной разделаться начальник почему-то пока не спешил.

– Непозволительная роскошь – примерять роль убийцы, соблюдая какую-то очерёдность, – я и сам не ожидал от себя такого неприкрытого раздражения. – Проверять надо всех и сразу!

– Ну, проверяй, проверяй, – примирительно согласился Брагин. – А чтобы лучше проверялось, получишь в помощники опера.

– Развалит отдел! К бабке не ходи – развалит отдел, карьерист несчастный! – сокрушался Вадим. Он привычно, словно и не умер недавно, вышагивал взад-вперёд по кабинету. – И тебя, Иван Иваныч, Бражка под монастырь подведёт. А точнее – под статью! И ведь станет, гад, генералом! Как пить дать станет! Будь с ним осторожнее!

Толковые опера всегда в дефиците. Поэтому я не очень-то удивился, когда мне в помощники прислали Валентину Румянцеву. Она девушка, конечно, видная. Притом единственная женщина-оперуполномоченный во всём Центральном управлении. Хотя уже и не девчонка, но превосходно сохранила фигуру, достоинства которой любила подчёркивать джинсами и тесной в груди ветровкой. Валя относилась к разряду тех женщин, которые не ждут, когда их выберут мужчины, сами находят себе партнёров по жизни. Ну, а я из числа тех мужчин, которые не терпят, когда важные решения принимают за них. И хотя мне было всегда приятно видеть

Валентину и интересно с ней общаться, я пожалел, что в помощники прислали её. Уж лучше бы дали начинающего опера, мечтающего всего лишь о дополнительной звёздочке на погоны.

– Ох, не нравится мне всё это! – ворчал Корнеев где-то за моей спиной. – Вместо того, чтобы раскрывать убийство, следователю придётся любезничать с хорошенькой женщиной!

Список лиц, входивших в окружение Корнеева Павла, Валентина смогла подготовить только через несколько дней. Я за это время успел назначить несколько экспертиз, тщательно осмотрел и упаковал вещественные доказательства. Подготовленный ею список друзей погибшего содержал всего две фамилии.

– Всего-то две фамилии! – воскликнул Корнеев, заглянув в список. – Это у меня-то, бизнесмена со связями! Ох, загубят дело с таким горе-опером!

– Не густо, – сказал я, продолжая вглядываться в лист бумаги, как будто рассчитывал, что на белом поле под моим взглядом проявятся какие-то дополнительные знаки. – Что у нас есть по ним?

– Это школьные друзья Корнеева, – пояснила деловито Румянцева. – Смольянов имеет автосалон на улице Гурзуфская. Не судимый. Женат. Воспитывает дочку. Встречался с Корнеевым по пятницам попить пива...

Валентина прохаживалась по кабинету, проверяя всё на ощупь. Провела пальцем по экрану монитора, а затем посмотрела на свой палец – нет ли следов пыли. Чисто. Дёрнула за шнур на гардинах – работают ли, двигаются ли шторы? Постучала отполированным ноготком по стеклу аквариума, привлекая стайку юрких розовых гуппи.

– Ну, а Бекетов – тёмная лошадка. Не женат. Наведывается к матери редко и не регулярно. Любит выпить. Занимался самым различным бизнесом. Торговлей подержанными машинами, строительством. По словам матери, уже месяц как не появляется у неё. На звонки не отвечает. Предполагает, что гасится в запое у одного из своих собутыльников. С ним такое случилось и раньше.

Валентина отвлеклась от рыбок и, наклонив голову набок, посмотрела на меня с укоризной:

– Любовница была у нашего потерпевшего.

– Вот как, – сказал я, несколько не удивившись.

– Я же говорил! Ищите женщину! – обрадовано воскликнул Корнеев. – Женщина в основе любого преступления! Захотелось больше денег или мстит!

Круг возможных подозреваемых расширился и расширился.

Со слов Валентины, Корнеев по месту жительства ни с кем не общался. А вот с соседом по подъезду Виталием Павлюченковым имел серьёзный конфликт из-за парковки автомашины во дворе дома.

Валентина глянула в свой блокнот, который держала раскрытым в руке. Блокнот был маленький-маленький и весь исписан, дальше некуда. Новые записи теснились на полях, между старых строк, где-то в свободных уголках. Валентине приходилось вчитываться, чтобы расшифровать свои каракули. Корнеев заглянул из-за её плеча в этот блокнотик и разочарованно протянул:

– Ну, всё в кучу! Надо же уметь выделять главное! Пока вы тут будете проверять всякую ерунду – убийцы скроют улики и заметут следы! Женщина – опер! Придумают же!

– Что ещё? – спросил я опера.

– Есть. Есть и ещё информация для размышления. Всю вторую половину марта у них, у Корнеевых, работал строитель – выкладывал пол новым ламинатом. Данные о его личности, правда, ещё не установила.

– Ну да, и строителя приплела! – покачал головой Корнеев. – А почему бы не дворника, которого я обругал? А соседа этажом ниже, чью квартиру я затопил? Да так можно кого угодно заподозрить, с кем я по жизни сталкивался!

– Да. Говорила об этом потерпевшая, – сказал я. – Даже координаты мастера сообщила. Надо бы не забыть подарить ей новый блокнот, подумал я, когда Валентина ушла.

Водитель Калабошкин, с которым должен был встретиться в то злополучное утро Корнеев, долго не мог найти наше следственное управление. Он несколько раз звонил мне по сотовому телефону – то с перекрёстка улиц Малышева – Репина, то уже находясь непосредственно у здания управления.

– Да, с таким толковым водилой угодить под монастырь – было делом времени, – вздыхал Корнеев, пока я по телефону разъяснял Калабошкину, где какую дверь необходимо открыть, чтобы попасть к нам.

Допрашивая водителя, я не пытался скрыть раздражение.

– Так вы говорите, что не слышали ни выстрелов, ни криков? – переспрашивал я Калабошкина, мрачно следя за его суетливыми движениями. Я умышленно ставил для посетителей стул не у входа и не у своего стола, а посередине помещения. Так мне было лучше наблюдать за посетителем – тот оказывался в роли единственного актёра на сцене моего театра. Кроме того, это позволяло человеку как-то проявить себя и тем самым давало мне дополнительный материал для раздумий и оценок. Так, некоторые из приглашённых на допрос, не смиряясь с таким положением, спрашивали у меня разрешения придвинуть стул ближе. Кто-то, не получив на это одобрения, ссылаясь на плохой слух и двигался к столу, добиваясь всё-таки своего. А некоторые и разрешения не спрашивали – ставили стул там, где им нравилось. Таким образом, ещё не приступив к допросу, я уже имел какое-то представление о своём госте.

– Ещё раз повторяю, – с какой-то поспешностью говорил Калабошкин, – я был, как бы это сказать, приходящий водитель. Он меня приглашал только на разовые поездки. В Челябинск, ну, в Тюмень. Недалеко, в общем...

Калабошкин рассказал, что сотрудничество с Корнеевым у него продолжалось два года. Он откликнулся на объявление Корнеева в газете и периодически возил того на какие-то деловые встречи. Дёшево с заказчика брал. Очень дёшево. За такие поездки можно было в два раза больше брать. Обычно необходимость в нём возникала один-два раза в месяц, когда Корнеев надумывал ехать в другой город.

– В то злополучное утро, – сказал Калабошкин, – стоило мне так рано вставать, чтобы всё впустую! – я не дождался его к шести часам. Минут через пятнадцать, уже после того, как приезжала «скорая», я пытался позвонить Корнееву по сотовому телефону. Затем направился к нему домой. Да вот уже к трупу только и пришёл... Жена накрыла его каким-то покрывалом. Так он и лежал на земле, словно мешок с мукой.

– В каком Корнеева была состоянии? Что-то говорила вам?

– Я к ней в квартиру прошёл. Что, мол, дальше-то? Поездка-то ведь в Челябинск, значит, отменяется? А она суетилась много. Ей уже было не до меня. Куда-то звонила. Вы, наверное, ожидали услышать от меня, что я застал её плачущей и подавленной? Нет. Именно звонила куда-то. Названивала. Ну, я понял, что моё сотрудничество с Корнеевым закончилось. И ушёл...

Когда наша встреча подходила к концу, Калабошкин, уже стоя у выхода, повернулся ко мне:

– А я это... хотел спросить...

– Спрашивайте.

– А он что, нерусский был?

– А что?

– Да всё время нас, русский народ, ругал. Быдло, дескать. Стадо, мол.

После ухода Калабошкина я вызвал по телефону Валентину. Надо было дать ей срочное задание – доставить в прокуратуру друзей убитого, которых упоминала в своих показаниях Корнеева. Оставалось невыясненным – что было в дипломате? Деньги? Что-то ещё? Если

деньги – в каком количестве? Надо было узнать также – чем же занимался убитый в действительности? Ну, и главное на этот момент – кто его ждал в Челябинске? Всеми этими соображениями я и поделился с Валентиной, когда она появилась в моём кабинете. Она была не прочь порассуждать за чашечкой кофе и дальше, но я, под одобрительные возгласы Корнеева, выпроводил её из кабинета.

5

Порой дни, недели, а то и месяцы работа следователя складывается из нудного, малоинтересного общения с такими вот калабошкиными. Но за годы работы я научился довольно стоически, до определённого, конечно, предела, воспринимать необходимость этой скучной и нередко грязной работы. Грязной в прямом смысле: пришлось как-то в посёлке Красном в окрестностях Верхней Пышмы чуть ли не целый день вычерпывать содержимое отхожего места в поисках пистолета.

Допрос друзей Корнеева ничего определённого не принёс. Единственно, один из них, бывший сокурсник Алексей Неволин, сообщил, что Павел Корнеев занимался спекуляцией редкоземельными металлами. Корнеев выискивал по объявлениям людей, делавших предложение на этом рынке. Приобретал что-то у кого-то. Затем сбывал. Вот и весь его бизнес. Неволин ухмылялся, явно не одобряя занятие своего товарища.

– Всё это шло на грани нарушения закона. Я так и говорил Павлу: «Павел, смотри, как бы тебя ФСБ не повязала». Мало того что оборот некоторых редкоземельных металлов ограничен, так это ещё пахло вторжением в сферу государственных интересов. – Неволин многозначительно посмотрел на меня. – Ну, не мне вам это объяснять.

Он бросил на свою фетровую шляпу, лежавшую на стуле, преисполненный любовью взгляд. Взял её в руки, немного подержал и вернул на место. Затем посмотрел на меня с некоторым сомнением:

– А вообще-то бизнес, дело – всё это для него было так, баловство. На самом деле, мне показалось, он свихнулся. – Неволин снова глянул на меня. – В последнее время от него я только и слышал одну сплошную националистическую риторику. Фашистом он стал. Натуральным.

– Вот как? И в чём это проявлялось?

– Да в словах и проявлялось. В атрибутике внешней. Заходил тут как-то к нему домой – свастика кругом. Плакаты развешаны типа нацистских. Призывы – вступай туда, вступай сюда, да разберись с этим да с тем. Только вместо арийских – мужественные славянские лица. – И совсем уж себе под нос Неволин пробормотал: – Он всегда любил броскую мишуру... – Глянув искоса на свою шляпу, Неволин продолжил: – А ведь говорил я ему: «Давай вместе этот бизнес с металлом поднимем». – «Нет!» – смеялся: «Одному тесно!» Ну, а потом, видимо, и совсем вытеснили – самого! Вот и ударился в это баловство. Вроде все вы тут быдло, только я один властелин! Властелин без штанов!

Неволин склонился в мою сторону и чуть тише, словно боялся, что его кто-то ещё услышит, добавил:

– Речи вёл постоянно, мол, что всех людей у нас надо разделить на два сорта. Первый сорт – это русские в России, ну и, к примеру, татары в Татарии. Ну, а второй сорт – это все остальные, кто не имеет национальных истоков в нашей стране. Во как! В общем, бред шизофреника!

– Бред шизофреника! – повторил за ним Корнеев. И уже вслед уходящему, глядя, как Неволин водружает на голову модную шляпу, он крикнул: – Да педик ты! Вот кто!

Когда Неволин ушёл, я подумал, что надо бы проверить, насколько это всё было серьёзно у Корнеева. Если вся его риторика фашистская выходила за пределы квартиры – то, глядишь, придётся выстраивать дополнительную версию убийства. Валентина мне доложила, что посетивший меня Неволин – мелкий посредник в сделках по металлу. В советские времена был судим за спекуляцию, а теперь вот – успешный бизнесмен.

Всю вторую половину дня я анализировал материалы уголовного дела, готовился к новой встрече с Корнеевой. Необходимо было её передопросить. Я всегда считал, что, как правило,

убийства, как ни покажется это странным и диким, – довольно будничные явления. И очень часто лишение жизни человека стоит в том же ряду, что и его рождение. Как рождению предшествуют близкие отношения двух людей на протяжении более-менее длительного времени, так и убийство вызревает между людьми не один день. Словно грани в мозаике, пытался сопоставить я жертву с её возможными убийцами, пробуя на роль убийцы уже известных по делу фигурантов, и в первую очередь Корнееву. И в какой-то момент поймал себя на мысли – а не пристрастен ли я? Не делаю ли роковой ошибки? Потому ли только мои мысли крутятся вокруг Корнеевой, что есть основания подозревать её в убийстве мужа? Набив чёрную кожаную папку протоколами, я отправился на Екатеринбургский почтамт. Там сейчас работала инженером жена погибшего Корнеева Светлана, до замужества – Палагина. Доехав до Дома контор, я покинул троллейбус и пошёл к почтамту пешком. Корнеев бежал за мной вприпрыжку и повторял:

– Она замечательная! Да-да! Хорошая женщина! Вот увидите! Она же понравилась вам в первую встречу? Я сразу понял, что вас с ней что-то связывает!

Корнеев даже забежал вперёд и попытался заглянуть мне в лицо:

– А может быть, это судьба, а? Вот вы и встретили её, свою женщину? Как, Иван Иванович?

Я отворачивался в сторону, стараясь не слушать его. Почтамт был в самом центре города. Можно было проехать ещё одну остановку, но мне хотелось пройтись по набережной Исети, по Историческому скверу, где когда-то я студентом любил посиживать на скамеечке, как пенсионер, с газеткой или с книжкой в руках. Талые воды уже пронеслись, и река стала такой, как всегда, – тёмной, скрывающей в своих водах тайны дней минувших и дней нынешних. Здание почтамта, расположившееся наискосок от Исторического сквера, снаружи довольно непримечательное, относилось к числу сооружений с интересным архитектурным решением. Как и Дом контор, это здание было архитектурным памятником советскому конструктивизму. Служебные помещения, расположившиеся лабиринтом вокруг центрального зала, также наталкивали на мысль о том, что отец этого сооружения был человеком явно неординарного склада мышления. Волнение от предстоящей встречи мешало мне настроиться на спокойный, деловой лад. А если она узнает меня?

Корнеева встретила меня тепло, хотя и не смогла убрать с лица выражение озабоченности. Чёрный брючный костюм выигрышно подчёркивал её стройность. Сам Корнеев крутился вокруг неё волчком и, взглядами спрашивая у меня разрешения, посылал ей воздушные поцелуи.

– Ах! Ну, что за женщина! Что за женщина! Поверить не могу, что это моя вдова!

– Проходите, проходите! – Корнеева вошла вместе со мной в просторный кабинет. Судя по длинным приставкам к столу и двум рядам стульев, она была руководителем как минимум выше среднего уровня. Ей приходилось собирать у себя немаленький коллектив и проводить заседания. Ещё при первой встрече я почему-то подумал, что её муж играл в семье роль второй скрипки. В облике её не было той привлекательной округлости, сглаженности, мягкости, присущей женщине её возраста. Лицо хотя и с широковатыми скулами, но без единой лишней складки под подбородком; скулы чётко очерчены, что подсказывало наблюдательному взгляду – женщина она решительная, если не жёсткая.

– Ой, строгая, – соглашался Корнеев, не отставая от меня ни на шаг. И, забыв о своих недавних хвалебных эпитетах, неожиданно заключил: – Скажу больше – стерва она ещё та!

Впрочем, она вся была подтянута и сухощава. Может быть, в плечах немного широка и угловата, но при её высоком росте и изящности это не воспринималось как изъян. Когда я увидел её в родной стихии, то признался себе, что она красива. Солнечный свет, отражаясь от розовых стен, делал её лицо более юным, придавая ему свежесть молодости. Здесь, наедине, находясь от неё на расстоянии вытянутой руки, я почувствовал её волнуемую энергетику. Словно сейчас будет происходить не допрос, а приятная встреча, как где-нибудь в уютном

кафе. Встреча мужчины и женщины, знающих, что это лишь прелюдия большого счастья, которое они скоро испытают, оставшись наедине. Корнеева прошла на своё место и села в удобное кресло, указав мне на ближайший стул у приставного стола.

– Светлана Андреевна, – начал я, – мне нужны версии убийства. Кто мог убить вашего мужа? И какие могли быть мотивы?

– Какие мотивы? – сразу откликнулась Корнеева, непроизвольно откатившись на своём кресле от стола назад, к пейзажу с уральскими рябинами над её головой. – Какие тут могут быть мотивы, кроме одного? Корыстного. Убили Павла из-за денег. Кто-то из его делового окружения это сделал.

– Можете на кого-то конкретно указать? Кто способен на это?

– Да я думаю, на это способны все. Особенно в наше время. У людей исчезли старые нравственные ориентиры. Некому сейчас вещать о моральном долге перед обществом. Зато смотрите, сколько вокруг появилось соблазнов. Дорогие машины, роскошные апартаменты, возможность путешествовать по всему миру... И обо всём этом назойливо и отовсюду идёт трескотня: бери, пользуйся! Живёшь только один раз! Так что, думаю, сейчас все готовы убить ради денег. Другое дело, какая сумма способна завести человека.

Глядя на её лицо, я вдруг почувствовал, что за скулами, за чётко очерченным ртом, ледяными глазами я не вижу Светлану. Почувствовал, как от неё повеяло замогильным холодом. Возможно, это было следствием того, что она всё-таки была женой человека, которого я совсем недавно наблюдал выпотрошенным на столе в морге. Это специфика следственной работы – следователь (во всяком случае, я) видит близких, родственников убитого также наполовину мёртвыми. В этом есть своя правда. Я смотрел на неё и видел рядом с ней Корнеева.

Почему-то в прошлую нашу встречу она была совсем другой. Мною уже давно замечено – в следственном кабинете, не говоря уж о камере в изоляторе, – человек совсем не тот, что в своей родной стихии.

– В первую очередь убийцу я искала бы среди друзей Павла, – после некоторого молчания сказала Корнеева. – С партнёрами по бизнесу всегда держишься, что называется, настороже. Боишься сказать лишнее, проговориться. С друзьями же делишься самым сокровенным. Мечтами, планами. Знаю двоих его друзей. Смольянова и Бекетова. Смольянов очень расчётливый. Я бы сказала, жадный до денег. В своё время я отговорила Павла идти со Смольяновым в один бизнес. Тот звал мужа торговать подержанными автомобилями. Думаю, что Смольянов пожадничал бы нанимать киллера, не стал бы делать лишних движений. Он очень продуман и осторожен. И не настолько глуп, чтобы из-за двух миллионов рублей убивать своего товарища. Бекетов – тот наоборот, казалось бы, рубаха-парень. Товарищу последнее не пожалеет, даже жену свою, как мне кажется...

Корнеева усмехнулась и посмотрела на меня как-то странно. Посмотрела с улыбкой самостоятельной женщины.

– Но вот это-то обстоятельство меня истораживает. Уж очень он вертляв, как флюгер. Несерьёзен и в то же время решителен. Делом по-настоящему он заниматься не может. Ему сразу – вынь да положь! – Корнеева словно устала говорить о смерти мужа. Она некоторое время перебирала в молчании папки на столе. Затем, оставив их в покое, подняла на меня взгляд. – Да, мысль о деньгах у меня была первая, как только произошло нападение на мужа. Но потом, через некоторое время, я подумала, а не замешано ли тут его увлечение?

– Какое увлечение?

– Увлечение нацистской атрибутикой.

– И как же это увлечение может иметь отношение к убийству-то, а?! – воскликнул раздражённо Корнеев, ходивший всё это время задумчиво по кабинету из угла в угол.

– Ну как же! Фашист, можно сказать, начинает высказывать свои нацистские взгляды, когда у нас ещё ветераны войны живы и активно себя проявляют. Кому у нас это может понра-

виться? Кому может понравиться, если Павел направо и налево говорил всем, что они быдло, стадо. Говорил, что мы достойны того, чтобы с нами не считались ни свои правители, ни другие государства. Достойны того, чтобы нас обманывали, обирали и манипулировали нами.

– У него были соратники, это было его серьёзное увлечение?

– Я бы не сказала, что это было серьёзно. Так, на уровне эпатажа публики. Но всё-таки. Думаю, за такое могли и прибить...

Однако что-то есть неестественное в том, как она держится, подумал я. У неё только что убили мужа, отца её дочери. А она строит расчёты. Что-то тут не так! Как будто угадав мои мысли, Корнеева резко обернулась и сказала:

– Ну, это только вам удастся подтвердить или развеять мои подозрения. А мне, честно говоря, от этого уже ни холодно ни жарко.

Да, это была уже совсем не та Светлана, которую я знал когда-то.

– Вы так логично рассуждаете, – вдруг решил я. – Наверное, у вас были друзья-юристы?

Голос у меня стал каким-то фальшивым и совершенно не к месту игривым. Вот сейчас она и вспомнит меня, Романа-чеченца, общежитие юридического института, ресторан «Малахит»...

– Нет, – коротко и сухо ответила Корнеева.

– И мы с вами раньше не встречались? – я чувствовал себя тупым юнцом.

– Нет, – повторила Корнеева, отбив у меня охоту к дальнейшим наводящим вопросам.

– Я же говорил, стерва она, стерва! – горячо в спину шептал мне Корнеев, едва поспевая за мной по ступеням набережной в Историческом сквере.

– Никогда не сомневался в этом, – согласился я.

Проходившие мимо студентки весело переглянулись.

6

Сейчас, укладываясь спать, я видел: убитый Корнеев, облачившись в мой старый халат, устраивается удобнее на стуле в углу комнаты и смиренно ждёт, когда я в своих мыслях снова обращусь к нему. Но я не мог думать о нём. Теперь из моей головы не выходила его жена. Светлана. Может быть, я ошибаюсь? Что общего между этой деловой, строгой женщиной и той легкомысленной девчонкой, запросто перепрыгивающей из одной кровати в другую, меняющей мужиков как перчатки? Ровным счётом ничего. Впрочем, я сразу понял, что не смог бы заменить ей Романа. Она и в «Малахит» меня затащила, чтобы ненароком встретиться там, среди музыки и танцующих пар, со своим любимым кавказцем. Может быть, всё еще надеялась, что он позовёт её обратно к себе, в уютную каморку общежития?

Беспокойно ворочаясь в своей холостяцкой постели, я подумал, что в ближайшую встречу надо напрямую напомнить Светлане о нашей любовной связи. Зачем? Да затем, что до сих пор не даёт покоя мысль, как это она после предложения ей руки и сердца просто взяла и без лишних слов исчезла из моей жизни.

Получив от Корнеевой дополнительную информацию, я решил познакомиться ближе с друзьями её мужа, Бекетовым и Смольяновым. Не дождавшись на допрос Бекетова, я сам отправился на встречу с ним. Мне уже приходилось бывать в этих домах в районе, именуемом Вторчермет. И также в связи с расследованием убийства. В этом есть определённая закономерность, подумал я, окидывая взглядом двухэтажное, идущее под снос деревянное строение. Целый квартал из ветхих домов образовал здесь настоящие трущобы. Прямо на стенах некоторых из них жители написали чёрной краской: «Долой трущобы!»

Бекетов был с жуткого похмелья. Даже следовавший за мной Корнеев замер на пороге комнаты и не решился пройти дальше. Я поначалу подумал, а не отложить ли допрос? Но потом сообразил, что это даже лучше. Знакомство начал с простого вопроса:

– На что шикуюем, Слава? С чего праздник-то?

– Он всегда такой! – поспешил поделиться со мной своими соображениями Корнеев. – Посмотрите на его пропитую рожу. Урвёт где-то куш и пирует. Ой, неспроста он тут праздник устроил! Ой, неспроста!

– Ну, а почему бы не погулять, когда деньги есть? – огрызнулся Бекетов, даже не подняв головы. Затем он всё-таки глянул на меня плавающим, но заметно обозлённым взглядом и поинтересовался: – А ты пьёшь только по праздникам? Так, что ли?

Бекетов смотрел на меня если не волком, то шакалом, это уж точно.

– Позволь-ка узнать, деньги откуда? И много ли? – поинтересовался я.

– Ну, а давайте, прежде чем вопросы задавать, представимся для начала! – предложил мне развязно Бекетов. – Без имени и овца – баран!

Я развернул удостоверение и предъявил Бекетову. Он кивнул на единственный свободный стул у пропахшего мочой рукомойника, раздвинул занавески и удалился в комнату. Послышался шёпот, перерастающий в спор. Затем из комнаты вышла женщина неопределённого возраста со спитым синюшным лицом. Застёгивая на груди кофточку, она кокетливо улыбнулась мне беззубым ртом и, надев валявшиеся у дверей калоши, вышла.

– Вот! – воскликнул Корнеев, провожая женщину взглядом. – Возле этого барана красотки вьются, когда деньгами могут поживиться!

Снова появился Бекетов.

– Может, по пивку? – предложил он, обводя уставшими глазами пустой стол.

– Спасибо, я на работе.

– Но я-то не на работе, – проворчал себе под нос Бекетов.

– Потом, потом! Сначала ответь на несколько вопросов.

Мне никак не удавалось найти нужный тон.

– Я сейчас, – Бекетов сделал рукой обнадеживающий жест и скрылся за занавеской.

Прождав его минут десять, я заглянул в комнату и увидел, что Бекетов валяется на диване без чувств. Пожалев о потерянном понапрасну времени, я ушёл, мысленно ругая себя: умная голова, да дураку досталась!

– Ох, чует моё сердце – зря вы его тут оставили, господин следователь! – сокрушался Корнеев. – Исчезнет он, точно исчезнет!

Но я ничего не мог поделать. Даже не смог придумать, за какой административный проступок его можно было бы упрятать в изолятор. Как ни крути, а в условиях камеры работать с подозреваемым было бы легче.

А вот со вторым другом убитого вышло проще. Он оказался солидным бизнесменом, и мне не стоило бы труда обеспечить его явку в следственный кабинет. Но я предпочёл увидеть Смольянова в его родной стихии – в офисе. Подъезжая к автосалону на улице Гурзуфской, я продолжал мысленно группировать вопросы, которые предстояло исследовать. Я и раньше обращал внимание на этот стеклянный дворец, сквозь прозрачные стены которого виднелись крутящиеся на своих постаментах, словно на игрушечной карусели, новенькие «Фольксвагены».

Смольянов усадил меня в удобное кресло из какой-то мягкой и в то же время упругой ткани. А мой спутник Корнеев стал разгуливать по просторному кабинету и с кривой ухмылкой разглядывать помещение. Смольянов выразил мне сочувствие по поводу убийства Корнеева. Но затем он, видимо, понял, что ошибся со своими соболезнованиями, махнул рукой и, открыв дверцу бара, извлёк бутылку и две рюмки из синего стекла. Я позавидовал его ловким и уверенным движениям, когда он разливал по рюмкам коньяк. От предложения выпить я отказался, а Смольянов наполнил рюмку и произнёс:

– Чтобы легче разговор шёл об усопшем, помянем его душу.

Опрокинув в себя спиртное, он сжал губы и, сделав несколько глубоких вдохов, встал. Корнеев разочарованно вертел вторую, пустую рюмку.

– Конечно же, я думал об этом убийстве, – сказал Смольянов после небольшой паузы. – Корнеев был моим другом. Вместе росли, учились в одной школе. Затем стали заниматься одним бизнесом – торговлей подержанными автомобилями. Только каждый самостоятельно.

Он бросил на меня выразительный взгляд:

– Вам Корнеева ничего не говорила о некоторых нюансах в наших взаимоотношениях?

– Нет.

– Дело в том, что Корнеев в своё время отбил у меня девушку, которая сейчас и стала вдовой. Светлану. – Смольянов неотрывно следил за моей реакцией.

Я изумлённо поднял брови. А Корнеев криво улыбнулся и изобразил пальцами рожки над головой Смольянова. Удовлетворённый моей реакцией, тот продолжил:

– Да-да! Светлана была моей женщиной. Но потом переметнулась к Корнееву. Конечно, мы тогда не смогли сохранить отношения на прежнем уровне. Но и врагами не стали. Я нашёл себе другую. И сейчас считаю, что встретил именно свою половину. И потом, это не Корнеев отбил у меня невесту, а невеста оказалась такой непостоянной – перескочила к более успешному Корнееву. И чёрт с ней. Ну, а потом, наоборот, дела в гору пошли у меня, а у Корнеева бизнес с машинами захирел. Я его звал к себе в долю, но он не пошёл. Понятно почему – из гордости. Думаю, что он мне завидовал. И в семье у него пошли нелады. Светлане-то нужен был успешный мужчина, а не мелкий спекулянт, каким стал Корнеев.

Смольянов замолчал и вернулся за стол. Коньяк на него подействовал благотворно, и он довольно свободно раскинулся в кресле. Однако выражение его лица оставалось озабоченно-сосредоточенным.

– А вот почему его убили... Признаться, я озадачен. Не знаю, что и подумать. К убийству явно готовились. Это не случайное нападение. Понятно, что киллер, скорее всего, наёмный... Рискну подбросить вам версию, что убийство совершено не из-за денег. Не деловой Корнеев человек, как это ни странно. И круг общения у него такой же – люди не деловые и по большому счёту не стремящиеся к деньгам. Для них важно другое – какие-то прожекты полуфантастические, нереальные. Прожектёр он, Корнеев. Вот что. Был прожектёром... Я думаю, и убийцу следует искать среди этого круга шизофреников или среди его самых близких.

– Близкие – это кто? – воскликнул Корнеев, всё это время вертевший в руках бутылку с дорогим коньяком. – Ты, что ли? Или Бекетов? Или Светлана?

Я невольно усмехнулся витиеватости намёков Смольянова. Сказал бы прямо – подозреваю жену Корнеева!

– Ну, понятно, Корнеева кусала локти, что прогадала с Павлом, отказавшись от вас, – сказал я. – Ну, а зачем же ей убивать мужа?

Смольянов оживился и снова встал с кресла:

– Ну, скажу я вам, у них такие нешуточные страсти кипели в последнее время по поводу возможного разрыва. Во-первых, у них есть что делить: коттедж, квартира, машина... Он же, Павел, в последнее время норовил тратить деньги на всякую ерунду. Коллекцию фашистских орденов вот приобрёл недавно. За хорошенькую сумму... Амуницию, опять же фрицевскую, времён Второй мировой... Оружие немецкое покупал, недействующее, конечно, а так, в качестве моделей. «Вальтер» мечтал найти, самое ходовое оружие штурмовых отрядов нацистов. Байк вот купил. С молодёжью стал заигрывать, вместе с ними на мотоциклах раскатывал. Спонсором у них являлся. Я уж подумал – не в депутаты ли он собрался? Сейчас ведь модно – денег немного скопил и быстрее во власть, политику делать! – Смольянов злобно рассмеялся.

– Ну, а вы когда в последний раз виделись с Павлом? – спросил я, внимательно разглядывая собеседника.

– Да уж и не припомню! – ответил Смольянов, отводя взгляд в сторону. – На похоронах его я, конечно же, был. А так мы перезванивались иногда и с Павлом, и с его женой. Друзей-то по жизни больше не становится.

– Какие у Корнеева были взаимоотношения с Бекетовым?

– Какие были взаимоотношения... – повторил устало Смольянов. Ему явно требовалась дополнительная порция коньяка. – У Славки Бекетова дела вообще пошли никак. Но я ни за что не подумал бы, что он способен за пару миллионов рублей – или сколько там? Миллион? Пятьсот тысяч? – убить друга. Да, он способен занять без возврата нехилую сумму. Но не больше. Это человек без царя в голове, – Смольянов покачал головой. – Он вообще не способен на серьёзный поступок. А тут, надо понимать, действовал сильный и хитрый человек.

Смольянов бросил быстрый взгляд в мою сторону, и мне показалось, что он знает, о ком говорит.

– И безжалостный, – добавил Смольянов, как бы подтверждая мои догадки.

– Ну и кто же он? – спросил я.

Смольянов заметно повеселел. Он снова плеснул себе коньяка и, подняв рюмку, произнёс уже другим тоном:

– А вот потому и плачу большие налоги со своего бизнеса, чтобы знать в случае необходимости ответы на такие вопросы!

– Ну, ты и жлоб! – проворчал в его сторону Корнеев, когда мы покидали автосалон. – Скорбит он! Грохнул меня за Светлану, а теперь тут про налоги что-то плетёт!

Я лишь вздохнул, словно Корнеев не у своего друга Смольянова увёл девушку, а у меня. Правда, после этой встречи ничего нового к образу Светланы для меня не прибавилось.

7

Малоприятно, когда за тобой по пятам следуют убитые. Особенно если в силу твоего ли подавленного настроения, усталости или ещё по каким-то причинам они появляются в том неприглядном виде, в каком были обнаружены на месте происшествия. Иногда я задумывался, а не выскочить ли мне из этого круга, где только одни убийцы и жертвы? И понимал – нет, не получится у меня уже ничего изменить. И дело тут вовсе не в моей профессиональной деформации. Изначально эта связь между живыми и мёртвыми стала моей единственно приемлемой формой существования. Оживляя умерших, проникаясь их мыслями и чувствами, я не столько шёл по следу злодеев, их убивших, сколько искал подтверждение их существованию. Были ли они на этом свете? Что осталось после них кроме пухлого тома уголовного дела? Вот так же искал я брата в густых камышах Бездонного озера, вслушиваясь в безмолвие озёрной глади, и задавал мысленно вопросы отцу – нашёл ли он сына там, за жизненной гранью?

И снова Корнеев изо дня в день следовал за мной по пятам. Сидел смиренно в рабочем кабинете, спешил вместе со мной по улице, не покидал меня и в столовой, ожидая, когда закончится обед. Даже дома, когда я усаживался на диване с бутылкой пива и смотрел в телевизор, он бродил по квартире, постукивал по батареям отопления, скрипел половицами и без конца сливал воду в унитазе. Беда всё-таки, когда следователю не дают вовремя отпущк!

С некоторых пор я стал радоваться визитам Румянцевой. С её приходом всегда появлялась новая информация, служившая толчком к дальнейшему расследованию. И что самое главное, мне было просто приятно общаться с молодой красивой женщиной. У меня даже появилась крамольная мысль, что я при случае с удовольствием бы потакал ей, убажывая её сиюминутные капризы и прихоти. Может быть, всему виной эти воспоминания о Светлане? Но нелегко было мне, что греха таить, уже закоренелому холостяку, переломить сложившуюся линию поведения.

– Ну, что у нас нового? – встретил я Валентину вопросом, сразу же настраивая её на деловой лад.

Однако эту женщину не так-то было просто загнать в определённые рамки поведения. Она присела у моего стола, закинув ногу на ногу, и с минуту поправляла на своей груди красивую брошку. Не иначе, как в театр собралась, подумал я. Насладившись вниманием мужчины, Валентина сказала:

– А что, Иван Иванович, дождусь ли я твоего приглашения в какое-нибудь приличное место?

– Ну, вот раскроем убийство – обязательно свожу тебя если не в ресторан, то в кафе-то уж точно! – пообещал я, раздумывая, с чего это вдруг она в таком игривом настроении.

– Вот это мило! – воскликнула Валентина и усмехнулась: – Ну, а если это убийство мы никогда не раскроем?

Корнеев, задремавший было поодаль на стуле, беспокойно встрепенулся и стал переводить тревожный взгляд с меня на Валентину. Слова женщины его напугали. А Валентина достала из сумочки пачку лёгких сигарет и закурила, изобразив на лице хитроумную мимическую игру, достойную легендарной Греты Гарбо, выпустила, играя ярко накрашенными губами, тонкую струйку дыма.

– Ну, а я вот не буду долго ждать и приглашаю тебя в оперный театр!

Да, подумал я, не хватало нам сейчас ещё по оперным театрам шастать! Валентина расмеялась:

– По делу в театр. Конечно, по делу! А ты что подумал?

«Вот... провела!» – подсадовал я и криво улыбнулся. Встревоженный Корнеев успокоился и снова задремал. Валентина достала записную книжку. Полистала. Нашла нужную страницу.

– Вот, смотри, Иван Иванович! Интересная деталь. Среди артистов театра есть близкий друг Корнеева. Я думаю, очень близкий. Из-за него, а точнее, из-за неё и был разлад в семье Корнеевых. – Она оторвала взгляд от записной книжки и, словно изучая мою реакцию, сказала: – Семёнова Даша. Наш друг Корнеев был большой ценитель женских прелестей!

Эта фраза прозвучала у неё как хвала погибшему мужику.

– Ну, хорошо. Семёнова так Семёнова, – сказал я.

– Сегодня она в роли танцовщицы участвует в спектакле «Князь Игорь». О билетах я побеспокоилась заранее. Надо ведь не просто поговорить с ней, а посмотреть, что она из себя представляет. Верно?

– Верно, – согласился я, отдавая должное энергии молодой женщины. Признаюсь, у меня улучшилось настроение от перспективы провести с ней вечер.

– А в этой женщине определённно что-то есть! – Корнеев как никогда был оживлён. Он даже пританцовывал и подмигивал мне. – Вот теперь я спокоен. С таким опером дело пойдёт! Опер ведёт в оперный! Ура!

В театральном буфете мы выпили немного коньяка, чтобы уж совместить приятное с полезным, и отправились на свои места в партере наблюдать за Семеновой Дашей. Представление должно было уже начаться. Спектакль был превосходным. Коньяк, которым я угощал Валентину, хотя и был дорогой, едва тянул на три с минусом. Тем не менее спасибо Валентине – я хорошо провёл этот вечер; особенно мне понравились зажигательные половецкие пляски. Уж так они там отплясывали! Пыль на сцене столбом стояла. А в зрительном зале народ просто безумствовал. Хлопали, не жалея ладошек, кричали, вставая с места: «Браво!» Женщины кричали браво пискляво, как мышки, а мужчины – преувеличенно густым басом. Корнеев меня не отвлекал. Он делал вид, что пьёт вместе с нами коньяк, читал программку, уместившись где-то рядом в свободном кресле, и наблюдал в невесть откуда взявшийся у него бинокль за танцовщицами. Правда, Валентина не смогла показать мне, какая же из плясуний Даша Семёнова.

Побеседовать с Дашей мне пришлось только на следующий день, уже в своём кабинете. Она оказалась экстравагантной двадцатилетней девушкой. Высокая, стройная – выглядела выигрышно для танцовщицы. Одета Семёнова была в короткую чёрную юбку, тесную курточку и в чёрные колготки. На ногах блестели ослепительные белые кожаные сапожки на высоких каблуках. Волосы у Даши были светло-русые, распущенные до плеч. В кабинет она вошла смело и непринуждённо; поздоровалась со мной как со старым приятелем, придвинула стул ближе к столу – настолько, чтобы у меня оставалась возможность видеть её красивые коленки. Закинув ногу на ногу, без лишней суеты раскрыла сумочку и вытащила полулитровую пачку кефира.

– Можно, да? – спросила она. – Спешила к вам, не успела позавтракать.

Мне не понравилась эта её непринужденность. Тем не менее, изобразив на своём лице улыбку, я согласился и пододвинул на край стола чистый стакан.

– Не надо! – махнула она рукой и ловко надорвала зубами уголок кефирного пакета. Как в своё время тянули пиво из целлофановых мешочков, так же и она с аппетитом высосала чуть ли не половину пакетика. Аккуратно промокнув согнутым пальцем и без того чистую верхнюю губку, она сказала:

– Прикольный он был, Павлик. Я познакомилась с ним у байкеров. Знаете их базу на улице Онуфриева? В недостроенном корпусе картонажной фабрики. Я с Семёной-осветителем там тусовалась. Вот он, Павлик, и подкатил ко мне. Прикид у него был классный такой, крутой. Эсэсовский плащ, настоящий. Каска железная, тоже немецкая. Всё как полагается. Стал ко мне на работу ходить, приглашал в кафе, ресторан. Деньги не жалел. Любил смотреть, как я танцую. А много вас тут работает? – вдруг любопытствовала она, прервав свой рассказ.

– Много, – сказал я.

– О! – удивилась она и допила свой кефир. Потрясла у своего лица пустым пакетиком, демонстрируя его мне, и вопросительно посмотрела на меня: – А куда это можно бросить?

Пристроив пакет, она вернулась на место, задержавшись на секунду у книжного шкафа:

– А «Майн кампф» тут случаем нет?

– Нет. Не читаем, – нахмурился я. Она меня раздражала всё больше и больше.

– Чем он занимался? Спрашивала я его, где он бабки делает. Он только смеялся. «Какая тебе разница!» – говорил. Когда виделась с ним в последний раз? Пятнадцатого апреля – он в тот вечер на мой спектакль приходил. А нерусей у вас тут много работает?

– Что-что? – переспросил я.

– Ну, нерусских.

Нет, пожалуй, даже не раздражение, а жалость вызывала у меня эта девушка. Вот ведь сбил Корнеев её с толку! Хорошей девушке голову задурил! Я сложил бумаги в сейф и задержался взглядом на сидевшем у окна Корнееве. Тот спрятался за развёрнутой газетой, и некоторое время в кабинете стояла тишина. Наконец, когда уже собирался покинуть кабинет, я услышал голос Корнеева:

– Девушку пожалели! Конечно, господин следователь, девушка красивая, молодая, танцует хорошо – её можно пожалеть! А вы не подумали, Иван Иванович, что она-то со своими дружками-байкерами как раз и могла меня замочить? Молодые, нетерпеливые, резкие. Им подавай всё сразу и сейчас. Я вполне мог обмолвиться, что еду утром с деньгами.

А вот это сейчас и проверю, подумал я и отправился к байкерам на улицу Онуфриева. Корнеев засеменил за мной следом, бормоча примирительно:

– Всё-таки я жертва, а не злодей, которого вы должны найти. Не забывайте это, Иван Иванович!

Байкеров я нашёл не скоро. Они расположились в одном из крыльев корпуса замороженного в последние годы строительства. Ещё в советское время возвели семиэтажную коробку. Поставили крышу, установили окна и двери, а затем, с приходом рыночных отношений, всё затихло.

Главным у них был Федорченко. В коже и металле, с распущенными до плеч волосами и строгим лицом. Типичный байкер. Единственно, рост и комплекция никак не вязались с имиджем крутого парня. Щупленький и невысокий, он преувеличенно прямо старался держать свою спину, пытаясь выгадать таким способом пару лишних сантиметров. Встретил меня настороженно:

– По всем вопросам только ко мне лично, – сразу же предостерёг он меня.

Из общего зала, где до недавнего времени была автомастерская, а сейчас стояли мотоциклы, мы поднялись по металлической лестнице наверх, в будку с большим незастеклённым окном. Видимо, бывшая диспетчерская. Кинув на деревянную скамейку кожаные перчатки, он резко, как будто устал уже таскать на себе многочисленное железо, с шумом приземлился там же, на скамейке. Хмуро кивнул мне, приглашая занять место у стола, на котором стояла консервная банка, доверху наполненная окурками.

– Ну что вам сказать о Павле? – секунду он сортировал в своей голове информацию. – Мужик стоящий был. Серьёзный. Помогал нам деньгами. Федорченко сверкнул глазами: – И принципиальный! Всегда участвовал с нами в различных маршах протеста. Катались на мотоциклах с российскими и сербскими флагами вокруг американского консульства в годовщину бомбардировок Белграда. Оцепляли Таганский рынок – такой марш протеста против унижительного наводнения России дешёвым и некачественным ширпотребом из Азии. И на момент прихода к нам Павел уже бился один со всей этой иноземной шушерой.

Федорченко натянул на руки перчатки и задумчиво сжал кулаки.

– Конечно, мы это так не оставим. Не для того собрались здесь вместе, чтобы нас поодиночке, как крыс, перебили... – Он посмотрел на меня исподлобья, строго: – А вам не кажется странным совпадение? Убили его 20 апреля 2000 года – в день рождения Гитлера! Кто-то объявил нашему движению войну!

– И кто же это может быть?

– А кто враг у патриотов? – ответил вопросом на вопрос Федорченко. – Неруси всех мастей!

Федорченко немного помедлил, а затем поднял на меня испепеляющий взгляд и произнес пафосно:

– Обществу нужна встряска! Может быть, даже война! Чтобы очиститься!

– Вот как? – удивился я. – А вот за это уже и под уголовную статью можно попасть!

– Плевать! Мы готовы идти в тюрьмы. Готовы страдать за свою идею!

Я хмыкнул. Это не ускользнуло от внимания оратора, и он уже спокойнее добавил:

– Послушайте. Ведь что-то надо делать. Смотрите, что творится кругом – коррупция, алкоголизация молодёжи... Педофилы вот развелись!

– Корнеев за это ратовал?

– Да все незашоренные люди это видят. Не он один. Только быдло сейчас погоду в обществе делает. Извести их всех надо – вот что!

– Это как же?

– Да в лагерь! А всем инородцам дать двадцать четыре часа, чтобы убраться из Руси. А не уедут, так... – Федорченко сделал выразительный жест рукой, перечеркнув ладонью своё горло.

– Ну-у! Ты что-то совсем зарвался! И следователя не боишься? Ты же мне тут фашизм проповедуешь. Вот возьму сейчас и надену на тебя наручники.

– На! На! – Федорченко встал и вытянул вперёд руки. – Вяжи меня, блин! Вяжи! Что я ещё должен говорить, когда нас тут всех, блин, убивают!

В уголках его губ заблестела слюна, а глаза стали лихорадочно бегать по сторонам. «Сейчас сиганёт ещё вниз с этой площадки. Шею себе свернёт!» – подумал я с опаской.

– Ну, ладно. Потом разберёмся тут с тобой.

Я задал ещё несколько вопросов о коммерческой деятельности Корнеева, пытаюсь выяснить осведомлённость Федорченко, и вскоре, спрятав в папку подписанный протокол допроса, покинул обиженного байкера.

– Молодёжь! – вздохнул Корнеев, слезая с чёрного громоздкого байка. – Ищущие национальную идею молодые люди! Свято место пусто не бывает! Но молокососы всё-таки, чтобы меня завалить.

Из встречи с Федорченко я уяснил, что Корнеев был в рядах байкеров один год. Изрядно снабжал этот клуб деньгами, был для них кем-то вроде мецената. Кроме того, у меня сложилось впечатление, что Федорченко со своими товарищами приписывали Корнееву какие-то тайные, чуть ли не делегированные каким-то Центром, полномочия. Федорченко верил, что патриотические силы России заинтересовались ими и в лице Корнеева шлют им помощь и руководство к действию. Я же ушёл от байкеров с убеждением, что Корнеев действительно, как говорил его приятель Смольянов, был не таким серьёзным человеком, каким мог показаться на первый взгляд. Какие-то юношеские увлечения. Глупенькие подружки. Более-менее удачный спекулянт, сумевший в мутные девяностые годы урвать деньги, купить коттедж, хорошую квартиру, ну ещё что-то там. Скорее всего, убийство совершили люди из другого круга, воспользовавшиеся информацией о предполагаемой сделке и наличии у него денег. Это самое реальное. Этими людьми могут быть его челябинские компаньоны. Ну и местные, разумеется, включая водителя Калабошкина. В роли преступников могут оказаться и самые близкие его друзья – Смольянов и Бекетов. Не стоит пока сбрасывать со счетов и конфликт с женой – ей, в сущно-

сти, была выгодна его смерть. Конечно, стоит ещё проверить мастера-ламинатчика, который ремонтировал у них пол. Тому могло многое стать известным за время пребывания в доме Корнеевых. Ну и сосед Павлюченков... Пожалуй, подумал я, это наиболее реальные версии.

На следующий день мне предстояло нанести визит к матери Корнеева. У неё он и жил в последнее время, уйдя от жены. Квартира располагалась на юго-западе города. Сегодня я был без машины. На автобусе двадцать первого маршрута доехал до парка Чкалова и, с удовольствием прогулявшись по парку, хотя и запущенному, но уже празднично залитому весенним солнцем, свернул к магазину «Купец». Здесь, на пересечении улиц легендарного лётчика Чкалова и малоизвестного комдива Онуфриева, и жила мать убитого Корнеева. Пока звонил в дверь квартиры, внутренне собрался, избавившись от посторонних мыслей. Предстояло разговаривать с матерью, потерявшей единственного сына.

Дверь открыла напуганная, деревенского вида, бабушка. Она тревожно глядела на меня, слегка приоткрыв железную дверь, установленную ещё в пиратские девяностые годы.

– Здравствуйте, Зоя Петровна! – я постарался придать своему голосу официальную чёткость, дабы не возникло никаких сомнений в визитёре, и, в то же время мягкость, отдавая должное человеку, борющемуся со своим горем. Даже слегка поклонился. – Я следователь, хотел бы немного поговорить с вами.

– Проходите, – сказала неуверенно хозяйка, впуская меня в квартиру. Корнеев юркнул вперёд меня и тут же затерялся в квартире. Пожилая женщина, похоже, в своём горе полагала, что этого мира больше нет. Она была рассеянна и на какое-то время даже оставила меня одного в прихожей. Сама же села на кухне за стол и молча стала разглядывать старую клеёнчатую скатерть. За этим занятием, видимо, и застал её мой звонок. Поняв, что хозяйка не намерена больше ничего предпринимать, я попросил у неё разрешения осмотреть комнату сына. Когда ищешь убийцу – важна любая мелочь в вещах и окружении потерпевшего.

– Конечно, смотрите, если нужно! – разрешила Зоя Петровна. Она тяжело, нехотя поднялась из-за стола и проводила меня в комнату сына. Квартира была двухкомнатная. Запустив меня в комнату, Зоя Петровна вздохнула:

– Ох! Как я хотела весь этот срам выбросить! Да стыдно было на помойку с этим идти! А сейчас не могу – рука не поднимается, как будто душа Павлика здесь, в этих картинках! – она указала на плакаты, развешанные на стенах.

Обстановка в комнате убеждала в том, что Корнеев был явно не в себе. Даже жаль его стало немного. Это была комната не зрелого, почти сорокалетнего мужчины, а нора подростка. Не удивлюсь, подумал я, если под подушкой на кровати лежит глянцевый журнал с голыми девицами. На центральном месте, освещённом боковым уличным светом, висел портрет Гитлера в рубашке штурмовика. Чёрные чёлка и усики, пронзительный взгляд, свастика на рукаве – всё это на красном фоне выглядело завораживающе и зловеще. Портрет был написан масляными красками на настоящем холсте, и фюрер выглядел живым. «Фюрер жил, фюрер жив...» – подумал я, обводя взглядом комнату.

На противоположной стене уже царила не свастика, а коловрат, символ российских националистов. Над кроватью висело сразу несколько разнокалиберных плакатов. На одном красовался бритоголовый парень в чёрных очках. Стоя вполоборота, он широко улыбался, выставив вперёд нижнюю челюсть с квадратным подбородком. Белые подтяжки обтягивали его мощный торс в чёрной рубашке. Молодой человек демонстрировал левую руку с закатанным выше локтя рукавом, обвязанным красной повязкой, на которой в белом круге было изображение серпа и молота. В правом углу плаката одна под другой три надписи: НБП! НАРОД! ПОРЯДОК! А ниже надписи, за спиной бритоголового юноши, стоял бронетранспортёр с такой же, что и у парня на рукаве, символикой на борту. На бронетранспортере сидели уставшие, но готовые к великим свершениям бритоголовые в чёрном, задумчиво уставившиеся на свои берцы.

На этой же стене, только чуть выше, висел плакат, в верхней части которого пристроился перелетевший из нацистской символики двуглавый орёл с распостёртыми крыльями, в лапах он держал круг. Только не со свастикой, а с серпом и молотом. Внизу же под этим стервятником в рассветном мареве распостёрлась залитая красным Россия. На столе, видимо для антуража, лежали печатные издания времён Третьего рейха: газета «Штюрмер», журнал «Фелькишер Беобахтер». Там же притаились самиздатовские «Майн Кампф» Гитлера и «Доктрина фашизма» Бенито Муссолини. Я не удержался и заглянул под подушку. Нет, журнала с изображением грудастых голых тёток я там не нашёл; зато обнаружил книжку с надписью на обложке: «Ежедневник». Книга была разлинована и заполнена рукописными текстами. Углубившись в содержание, я понял, что это был дневник Корнеева. Последняя запись была сделана 15 апреля 2000 года. «Ого!» – обрадовался я. Мог ли я найти что-то лучшее для себя? Анализ этого дневника, возможно, и выведет меня на какой-то след. Но этим я уже займусь у себя в следственном управлении.

Покидая квартиру, я увидел, что Корнеев пытается унести из своей комнаты портрет фюрера. Но безуспешно. Ему удалось только сорвать потрет с крючка, с шумом обрушив картину на пол.

– Ой, господи! Господи! – воскликнула Зоя Петровна и трижды перекрестилась.

При покупке интересной книжки я проглядываю её всю, сразу обращаясь к самым интересным для себя главам. Так и в дневнике Корнеева я сразу же попытался найти в первую очередь фамилии, имена, «пароли-явки». Но, как ни странно, ничего этого не было. Здесь имелись лишь собственные рассуждения Корнеева: «... только вера в историческое предназначение России спасёт мир, который сейчас превратился в царство наживы, насилия, вырождения... Но прежде надо будет очистить Россию от всех вырожденцев – проклятых олигархов и этого быдла, которое терпеливо кормит и растит их... Только кровь спасёт нашу единственную, дорогую Родину...»

Корнеев писал русский манифест фашизма, не иначе. Итальянский был, немецкий был, и теперь Корнеев написал свой. Написал бы... Вчитавшись, я одолел этот труд. Одолел с трудом. Ничего оригинального – национальная идея спасёт общество. Только национальное самосознание способно консолидировать общество. Одним словом, сплошной национальный пафос. Проверая новую версию, я по совету следователя по особо важным делам Зайцева созвонился с Управлением федеральной службы безопасности и договорился о встрече.

В назначенный день и час я вошёл в здание Управления ФСБ. Корнеев со мной не пошёл, а спрятался за дерево напротив центрального входа и остался ждать там. В приёмной мне навстречу вышел сотрудник, курировавший работу с общественными организациями и молодёжным движением, Сергей Иванович Феоктистов. Широко улыбаясь, он крепко, как старому приятелю, пожал мне руку. Я даже слегка задумался: а не учились ли мы вместе в юридическом институте? Оказалось, нет, Феоктистов окончил институт на пять лет раньше меня. Коньяком Сергей Иванович меня не угощал, но ароматный кофе заварил. Он, как настоящий чекист, говорить старался мало. Всё больше норовил на разговор поощрить меня. Вручив мне чашку с кофеём и мягко вышагивая кругами по ковру, Сергей Иванович задумчиво отхлёбывал из своей чашки и, вдруг остановившись, спрашивал:

– Так вы полагаете, в молодёжной среде есть почва для организации, подобной фашистской?

– А почему бы нет? – говорил я, досадуя на свою наивность, тоже мне, пришёл у чекиста выуживать информацию! – В обществе нет национальной идеи, которая сплотила бы всех. Коммунисты, столько лет ведущие всех к светлому будущему, вдруг стали для всех мерзкими коммуняками. Идея «отбери у соседа и ешь в три горла» не всем подходит... Чтобы стать сильным, во все века требовалась какая-то идея, вокруг которой можно будет сплотиться. А тут

всё ясно и понятно. Идея на поверхности – нация превыше всего! А увлекающейся молодежи идея часто нужна больше хлеба...

– Мгм, мгм... – не то подтвердил мою речь Сергей Иванович, не то чего-то засомневался.

Когда я покинул это заведение и вышел на улицу, то почувствовал себя как после крутой вечеринки. Вроде и здорово весело было, и в то же время будто ничего и не было.

– Не сыпанул ли он мне в кофе какой-то дряни? – сказал я Корнееву, ждавшему меня за деревом. – Слишком много, битый час, я болтал о национальной идее. А Сергей же Иванович, кажется, кроме междометий-то ничего и не сообщил.

Корнеев сочувственно покачал головой:

– Неосмотрительно, Иван Иванович. Ох, неосмотрительно! И зачем только вы туда пошли, ума не приложу!

Тем не менее по итогам этого визита я уяснил: организованные байкеры в каких-либо националистических акциях не участвовали. Скорее всего, этим переросткам просто нравятся красивые кожаные куртки, нацистский антураж. Что поделаешь – есть некоторая романтика в фашистских массовых демонстрациях с их факельными шествиями огромных масс людей. А такие, как Корнеев, могут запросто использовать эту молодёжь в своих корыстных, авантюрных целях. Возможно даже, за этим Корнеевым стоит кто-то очень серьезный. И вот в чём-то Корнеев не угодил своим наставникам и поэтому хитрым способом, рядовым корыстным убийством, был устранён.

Визит в ФСБ обогатил меня единственно полезной информацией – Корнеев засветился в связи с убийством на Уралмаше молодого таджика. Тогда безуспешно проверялась версия совершения им этого преступления на почве национальной ненависти. Другой интересной информации получить не удалось.

8

Валентина оперативно выполнила моё поручение. Возможно, не обеспечив привод Бекедова, того самого, которого я нашёл на Вторчермете мертвецки пьяным, она чувствовала себя виноватой. Как бы там ни было, с новым заданием справилась поразительно быстро. Я ещё не оторвал взгляда от протокола на столе, но уже чувствовал, как Валентина улыбается. Плюхнулась на стул, прямо-таки развязный опер, а не хрупкая молодая женщина. Опять в джинсах, словно на дворе не весна, а промозглый ноябрь. Закурила. Я тут же встал и поспешно открыл форточку. Признаюсь, с некоторых пор не выношу табачного дыма. Валентина проводила меня взглядом, продолжая радостно улыбаться. Торопить её не хотелось. Пусть, пусть женщина почувствует в полной мере свою значимость в этом следственном процессе. В какой-то момент я уже совсем было поверил, что в моём кабинете не милая женщина, а грубоватый мужчина. А, ну да! Это же Корнеев вечно толчётся где-то между книжным шкафом и дверями. Делает вид, что изучает кодексы, а на самом деле внимательно, очень внимательно слушает, что это тут про него рассказывают. Пока не раскрою убийство – не отстанет!

– Так вот, Иван Иванович! Ровно год назад Корнеев гостил у своей сестры на Уралмаше, отмечал 8 Марта. Вышел на лестничную площадку покурить и слышит: какая-то возня на нижнем этаже. Спускается и застаёт там своего малолетнего племянника. Какой-то молодой таджик раздевал парнишку прямо на ступеньках. Корнеев потом говорил – таджик увязался за мальчишкой, когда тот возвращался с улицы. Вот Корнеев и убил, как он считал, педофила. Просто забил насмерть!

Валентина смотрела на меня, предполагая увидеть реакцию возмущения. «Ну, и мерзкая же ты личность, Корнеев!» – подумал я. Мне показалось, что Корнеев, изучавший в это время корешки кодексов, выстроившихся за стеклянной дверкой книжного шкафа, тут же исчез, испарился. Так-то лучше! Для меня всё больше становилось очевидным, что я имею дело не с корыстным преступлением, когда жертву, в нашем случае Корнеева, выследили и убили, преследуя только одну цель – завладение деньгами. Обстоятельства личной жизни погибшего наводят на мысль, что мотивы убийства здесь могут быть не корыстными.

– Ногами и кулаками забил, – продолжала рассказывать Валентина. – Погибший таджик работал дворником в местном ЖЭУ. В прокуратуре, разумеется, возбудили уголовное дело. Но тут началась шумиха. Телевидение, газеты – одним словом, общественность – забили тревогу, дескать, не дают людям защитить своих детей от маньяков!

Похоже на правду, подумал я. Валентина, воодушевленная моим вниманием, продолжала:

– Но опера из Орджоникидзевского отдела уверены, что здесь было убийство. Про обиженного ребёнка Корнеев просто-напросто наплёл, чтобы вывернуться, уйти от ответственности. Понятно, он это сделал из ненависти к выходцам из Средней Азии. Негласно работа в отношении Корнеева, конечно, продолжилась. Но, думаю, не только операми. Видно, родственники этого молодого таджика тоже искали Корнеева – отомстить за своего!

Я смотрел на радостно возбужденную Валентину и думал, осмысливал оперативную информацию. Таджики – народ тихий и мирный. Всерьёз поверить в эту новую версию Валентины можно только с отчаяния, когда по делу совсем ничего нет. Но проверять надо. Я уже давно убедился на своих первых следственных ошибках: самое, казалось бы, нелепое предположение может превратиться со временем в единственно верное объяснение случившегося. Валентина по-свойски, не дождавшись, когда я сам догадаюсь это сделать, включила кофейник и стала разгуливать по кабинету. Она продолжала развивать свою мысль:

– Я уже попросила наших коллег из Орджоникидзевского отдела помочь нам. Сегодня же они подготовят список проживающих в Екатеринбурге родственников и друзей убитого таджика.

– А где само дело? – поинтересовался я, чувствуя, что придётся серьёзно отработать это предположение. Каждая отработанная версия, если даже она впоследствии окажется ложной, повышает шансы на вероятность другой.

– В архиве областного управления на Ленина, 15.

Я отправил Валентину в Орджоникидзевский отдел за обещанным списком родственников несчастного таджика, а сам решил прогуляться до архива. Мне давно известно правило: не делай того, что может за тебя сделать другой человек; тем не менее я решил пройтись и по дороге подумать над новой версией. Тем более она как-то странно перекликается с одним из моих ранних предположений о связи убийства самого Корнеева с его националистическими взглядами.

По запросу уголовное дело мне выдали в архиве без проволочек. Вернувшись к себе, принялся его изучать. Оно было возбуждено по факту убийства Джумангулова Айрата, двадцати двух лет от роду, уроженца города Салам-Айлик в далёком Таджикистане. Читая многочисленные показания Корнеева, данные им сначала в роли свидетеля, потом подозреваемого и даже, на более поздней стадии, – в роли обвиняемого, я постепенно увидел за протоколами человека: своевольного, решительного, где-то даже капризного. То, что у него мозги были набекрень – сквозило в протоколах довольно явственно.

«Были у вас неприязненные отношения с потерпевшим?» – спрашивала его следователь Демидова. «А с чего это у меня с ним должны быть какие-то отношения? Это пусть они стараются устанавливать с нами отношения, коли понаехали тут, заполонили Русь!..»

Складывалось впечатление: пьяный Корнеев жестоко избил молодого таджика, который, видимо, убирал в подъезде мусор. Избил просто так. Как говорится у юристов – из хулиганских побуждений. Либо – из национальной ненависти. Во всяком случае, здесь со стороны Корнеева усматривается умышленное причинение вреда здоровью, повлекшее смерть человека. Это как минимум. Следователь Демидова дело, конечно, прекратить поспешила...

9

Чем дальше я углублялся в расследование убийства предпринимателя Корнеева, тем меньше мне хотелось найти подтверждение тому, что его вдова – та самая Светлана, девушка из моей молодости. До последнего времени мне казалось, что я всё ещё любил её. Теперь же я чувствовал, что любовь всё-таки ушла. Если это вообще была любовь. Фантазии, мои затянувшиеся грёзы. Не больше того. Женщина, скачущая от одного предпринимателя к другому, более успешному. Что тут говорить – сейчас, в наши времена, женщине любовь заменяют деньги. Ушли от Корнеева деньги и коммерческий успех – к жене его пришли ненависть и нетерпимость. Моя интуиция, опыт подсказывали, что убийца, скорее всего, из самого близкого окружения убитого. Поэтому вдова пока остаётся среди подозреваемых на первом месте. Но проверить надо также приятеля Корнеева – Бекетова и этого мастера-ламинатчика, которого я совсем упустил из виду.

Снова и снова я перелистывал протоколы допросов, осмотров, перечитывал рапорты оперативников, анализировал всю имеющуюся информацию. Изучение детализации телефонных переговоров с домашнего и сотового телефонов Корнеевой заставило меня призадуматься. Вот разговор Светланы с дочерью... Вот дочери со своим бойфрендом... Деловые разговоры... Обо всём и ни о чём! Ничего, что говорило бы о страданиях от потери близкого человека! Я даже пожалел Корнеева. И напрасно. Он оказался тут как тут. Перестал мелькать робкой тенью на стекле книжного шкафа, а устроился напротив меня на стуле, куда я усаживаю допрашиваемых. И задолдонил:

– Да, не очень-то, похоже, моя Светлана страдает. Яснее ясного! Ну ладно, жили плохо, но у нас же общий ребёнок – уже взрослая дочь. Невеста, можно сказать! Где положенные в таких случаях слёзы? Где жалобы родственникам и друзьям? Где стенания? В конце концов, могла бы и в следственное управление заглядывать чаще и тормозить следователя. Обычно-то потерпевшие бывают крайне назойливыми. Подозрительно она себя ведёт, ох подозрительно, Иван Иванович!

Тем не менее я не увидел каких-либо намёков на конфликты в этой семье, которые могли бы закончиться убийством. Так, ну а насчёт таджиков...

– Таджиков, таджиков! – заворчал Корнеев. – Дались они вам! Ну, побил я того дворника, да, не рассчитал по пьянке своих сил. Умер он. Ничего не попишешь. Получил бы за это, скорее всего, условное наказание, учитывая, как общественность вступилась за меня. Да если бы и захотели мне отомстить, то убийца не стал бы ждать, когда у меня появятся деньги!

Да, думал я, если принимать в расчёт версию про мстительных таджиков, то встаёт вопрос: зачем надо долго отслеживать жертву, рискуя при этом засветиться? Тут и раньше могло быть сколько угодно удобных моментов для мести, для убийства. Все должно быть проще. Вот, к примеру, Павлюченков, сосед...

– Так-так-так! – оживился Корнеев. Он даже встал и заходил по кабинету. – Уже ближе! Ведь это такой гад, каких свет не видывал! Умные люди со мной согласятся. Устроил автостоянку личную под своими окнами! А я где должен был парковаться, а?

Да, был конфликт между соседями из-за парковки. А жизненная практика подсказывает – самые обычные бытовые конфликты нередко и являются причиной убийства. Я поднял телефонную трубку и стал набирать номер телефона Румянцевой. Ни по рабочему, ни по сотовому она не откликнулась. А ведь Валентина уже давно получила от меня задание собрать информацию об этом Павлюченкове, но полного отчёта от неё так и не дождался. Придётся самому с ним поговорить. И лучше будет это сделать не откладывая. Если не удастся допросить его самого, то хотя бы соседей. Заодно не мешает ещё раз взглянуть на место происшествия, где разыгралась эта трагедия. Захватив папку с документами, я спустился во двор, ещё издали

лаская взглядом свою синюю «Ладу». Недоброжелательно покосился на старенькую «Тойоту», которая явно осложнит мне выезд из двора. Корнеев, семенящий рядом, услужливо пнул иномарку:

– Ставят где попало, блин, Иван Иванович! Применили бы власть свою когда-нибудь! Добро бы она ещё новая была. А то рухлядь какая-то.

Мне повезло. По улице Бебеля и по Технической я промчался без задержек. Никаких пробок не было. И вот выехал на залитый радостным весенним солнцем проспект Седова. Впереди маячило здание с колоннами – заброшенный Дворец культуры железнодорожников. Удивительная расточительность, подумал я, глядя на этот пустующий среди парка дворец, крыша которого, а также балконы и террасы заросли молодыми берёзками и клёнами.

Место происшествия было во дворе дома №22 по улице Коуровской, примыкающей к проспекту Седова. Весь квартал состоял из старинных, сталинской постройки, пятиэтажек. Между собой дома соединялись вычурными арками. Там и здесь можно было натолкнуться во дворах на полуразрушенные беседки с когда-то белыми, а сейчас облезлыми колоннами, с лепниной, изображавшей львов и райских птиц. Во дворе работники ЖЭУ в синих комбинезонах, как на субботнике, дружно прятали мусор в чёрные пластиковые мешки. Я обратил внимание, что все они были таджиками. Вместе со взрослыми можно было увидеть таких же старательных подростков. Довольно споро они завязывали наполненные мусором мешки.

Мне нравился этот район старой Сортировки. Чем-то он напоминал Уралмаш и окружавшие Екатеринбург рабочие городки. Всё здесь было выдержано в одном определённом стиле, стиле эпохи социалистического государства, победоносно возрождающегося после военной разрухи. Отсвет надежды и веры в скорое построение общества социальной справедливости был на этих начинающих сейчас разрушаться кварталах. В этом районе практически не встречались новостройки, в отличие от центра, обрастающего небоскрёбами и стеклянными дворцами с замысловатыми куполами.

– Вот ещё один вам, господин следователь, повод для раздумий, – сказал Корнеев, выходя из машины следом за мной. – В последнее время я жил у матери в Юго-Западном районе. А тут, у себя, появлялся редко. А убили меня именно здесь!

Я обошёл вокруг дома, в котором жил потерпевший Корнеев. И у меня стало зарождаться подозрение, что Корнеев стал жертвой благодаря таившейся в этом тихом дворике идеальной обстановке для длительной слежки и последующего убийства. Помимо двух беседок с колоннами во дворе находилось здание котельной с трубой-телескопом, устремившейся в небо, и несколько металлических, окрашенных серебряной краской гаражей, не дававших соскучиться, по крайней мере, трём поколениям подростков. Ну, а посередине двора находился хоккейный корт. Он был обнесён глухим, высоким дощатым ограждением, аляповато разрисованным яркими красками. Привлекали внимание броские лозунги: «Только трезвая Россия выстоит и победит!»; «Россия – для русских!». Затеряться во всём этом многообразии преступнику не составляло никакого труда.

– Обратите внимание, господин следователь! – Корнеев, исправно исполняя роль гида, вывел меня на середину двора. – При всём при этом выходов со двора на улицу всего лишь два! С одной стороны можно выйти через арку на проспект Седова, с другой – на улицу Коуровскую. Ну, а там дальше – в парк и к заброшенному дворцу культуры. Каково? Казалось бы, идеальное место для убийства, но двор-то хотя и большой, а практически замкнутый. Всего-то и есть два пути отхода. Если у ближайшего выхода меня ждал проклятый водила Калабошкин – ни дна ему ни покрышки! – то убийце после нападения придётся бежать ко второму выходу через весь двор!

Да, как-то непрофессионально получается, подумал я.

Павлюченкова дома не оказалось.

– Он должен быть в гараже. Сегодня пятница, – сказала его мать, пожилая женщина лет семидесяти. Она стояла в прихожей, тяжело опираясь на палочку, и с тревогой глядела на меня. – По пятницам он всегда там, с друзьями задерживается.

Голова у неё была по-деревенски обвязана цветастым платком. Женщина плохо слышала, и долго расспрашивать её было тяжело да и бессмысленно. Я обошёл ещё три квартиры, застал дома нескольких соседей и допросил их. На выходе из просторного и чистенького подъезда я остановился и задумался.

– Вот-вот, Иван Иванович! – поймал мой взгляд Корнеев. – И я о том же! Видите, где удобнее всего было меня подкараулить и совершить нападение. В подъезде! Во-первых, можно было укрыться в нише-колясочной.

Корнеев присел в затемнённой нише, стал совсем невидимым и уже оттуда глухо, как из погреба, продолжил вещать:

– Во-вторых, здесь просторно. Подъезд на кодовый замок не закрывается. Красота. Преступнику ничего не мешало расположиться здесь. Я с семьёй жил на третьем этаже. Убийца услышал бы, как я выхожу из квартиры, спускаюсь по лестнице и смог бы подготовиться. Любой ребёнок скажет. Но у вас почему-то убеждение, что нападение совершено на улице. Невелика важность – лужица крови на асфальте и показания моей вдовы. Да, она говорит о моих криках со двора. А вот соседи ничего не слышали!

Весь в раздумьях, я зашёл в соседний подъезд и допросил ещё нескольких соседей, после чего направился в гаражи. Никто из жильцов соседнего подъезда так же не слышал шума во дворе и вообще чего-либо подозрительного в то утро не заметил. Гаражи располагались в трёхстах метрах от дома Корнеевой на улице Маневровой, напротив Железнодорожной стоматологической поликлиники, в редких столетних соснах, оставшихся от шумевшего когда-то тут соснового леса. Здесь был своеобразный тупик. Улица Маневровая деликатно обходила сосны и уходила в сторону, чтобы продолжить свой бег дальше, не трогая этот сохранившийся уголок природы. Надолго ли, подумал я и увидел людей.

Павлюченков в окружении товарищей сидел возле раскрытого гаража у дымящегося мангала и кочегарил тонким металлическим прутом. Рядом на импровизированном столике высились горка заправленных мясом шампуров. Тут же бегали чьи-то детишки. Ближе к ящику пива, деликатно прикрывая его от посторонних глаз, расположились детская коляска и трёхколёсный велосипед. И на всё это мужское веселье взирала с затаённой угрозой женщина в белом плаще, державшая за руку девочку лет пяти.

– Присаживайся, старина! – пригласил меня кто-то из водителей, угадав во мне представителя власти. Мне освободили тарный ящик, служивший кому-то креслом. Павлюченков, мешавший импровизированной кочерёжкой раскалённые древесные угли, бросил на меня недобрый взгляд. Кивнув одному из товарищей на мангал, он подошёл ко мне и пригласил в стоявшую неподалеку «Ниву».

– Меня уже оперативники всего задёржали! – пожаловался он. – Неужели всерьёз меня подозреваете?

Выражение неудовольствия и досады не сходило с его лица. Он закурил и нехотя стал отвечать на вопросы.

– Дерьмо он, этот ваш Корнеев! – решительно заявил он, отвечая на вопрос о взаимоотношениях с потерпевшим. – Если б не спрашивали, то ничего бы и не сказал о мёртвом! А так скажу – за что он боролся, на то и напоролся! Расплодилось сейчас это племя, повывлезло из подворотен, чтобы в три горла жрать. Я понимаю, если бы ему надо было кормить много детей или инвалида на ноги поставить. Нет, у детворы и инвалидов отбирают, чтобы тачку поклуче купить да чтоб пожрать и выпить до посинения. Дочка у него уже взрослая – нянчиться с ней ему не надо; да, по-моему, он ей от своего куска даже крошки не даёт! Видел

я, как он усаживался в машину свою эту навороченную, из-за которой у нас конфликт произошёл; так при этом криком кричал ей и её парню, дескать, что я вам тут, автобус, что ли? Да рукой махал. Мол, вон трамвай – он быстро домчит, куда вам надо. И уехал. Дочка чуть не плакала. А у меня, если хотите, алиби. Не было меня здесь и – вообще в городе. У брата в Челябинске гостил. Аккурат 19—20 апреля и гостил. Брат подтвердит...

– Да тут камни возопят, господин следователь! – возмутился Корнеев, крутившийся возле меня назойливой мухой и всё это время безуспешно пытавшийся проколоть колёса у павлюченковской «Нивы». – Какой мерзавец! Ну какой мерзавец, а? Видели таких? Ведь он заранее побеспокоился о своём алиби. Замечаете? Брат подтвердит! Знаем мы, как делается такое алиби. Злой он и очень мстительный. Этот Павлюченков. За обиду может жизни запросто лишить. А я помню, вы сами всегда говорили, что убийство вызревает на навозной куче быта!

После допроса, отказавшись от предложенного мне шашлыка, я поехал домой. Было около девяти вечера, в прокуратуру заезжать не стал и через каких-то двадцать минут благодаря пустынным к этому часу улицам был уже дома. Вспоминая ароматное, зажаренное на углях мясо, которое так решительно отверг, я достал из холодильника опостылевшие безвкусные сосиски. Бутылка прохладного пива, иногда две обычно примиряли с этим продуктом. И в то же время, даже сейчас, за ужином, из головы не выходили мысли об убитом Корнееве, о его жене, их взаимоотношениях...

Выйдя на балкон, снова вспомнил, что бросил курить. Я живу на окраине Юго-Западного района. Мои окна выходят на объездную дорогу и простирающийся за ней лес. Вдыхая сгустившийся к вечеру и напитанный влагой лесной аромат, я глядел на проносящиеся огни автомобилей, на длинную цепь высоких фонарных столбов, своими огнями уходящих в бесконечность, а точнее, в сторону соседней Перми. А ведь неспроста в моём сознании вот эта взаимосвязь: труп Корнеева и его жена. Есть, видимо, много деталей в этом деле, которых я ещё не осознал, но которые исподволь указывают мне на эту взаимосвязь. Все свидетели утверждают о наличии между ними конфликта. При этом у Корнеева была любовница...

– Что вам любовница моя покоя не даёт, а? – сказал Корнеев. – А что если у моей вдовы был любовник? Думаю, вы поняли мою мысль.

Да, подумал я, а вот это вы, господин следователь, совсем как-то упустили!

10

Валентина как чувствовала, что я начинаю злиться, не имея возможности связаться с ней. Только зашёл в свой кабинет, как раздался телефонный звонок.

– Так вот, Иван Иванович! Я воспользовалась той информацией из записных книжек Корнеева, которую ты мне дал. И нашла...

– Любовника его жены? – попытался угадать я.

– Всё вам, мужикам, любовники жены мерещатся! Не любовника нашла, а его компаньона в Челябинске. Я ведь в Челябинск сгоняла!

– В Челябинск сгоняла? Это хорошо! – сказал я. – Только как соберёшься в следующий раз сгонять куда ещё – не забудь мне об этом сообщить. Договорились? А теперь приезжай, расскажешь подробнее. Или нет, я через час собираюсь в Сбербанк. Поэтому встретимся в Зелёной роще. Захвати всё, что наработала в Челябинске.

Я уже знал, что в пользовании Корнеева был банковский счёт в Ленинском отделении банка. На этот счёт регулярно поступали в разовом порядке внушительные суммы, которые обычно недели через две-три снимались. Меня заинтересовал апрель 2000 года. Непосредственно перед убийством Корнеев снял со счёта два миллиона рублей. А утром 20 апреля был убит. Логично было бы предположить, что именно эта сумма и была похищена. Требовалось официальное подтверждение банка об этой финансовой операции.

Поговорив с Валентиной, я встал из-за стола и подошёл к окну, выходившему в тихий двор. Взгляд скользнул по автомашинам, теснившимся на уже позеленевших от подрастающей травы и одуванчиков газонах, и упёрся в очередь к нотариусу в соседнем здании. Вот кому сейчас раздолье – нотариусам! Народ кинулся совершать разнообразные сделки. Наживает капитал. Становится собственником. «Какая же крылась сделка за этими деньгами? – думал я. – И кто мог о ней знать?» Информация, которую Румянцева получила в Челябинске, могла бы многое прояснить.

Я вернулся за стол и ещё раз перечитал заключение судебно-медицинской экспертизы. Произведено было два выстрела. Убийца стрелял в грудь, не в упор, но с достаточно близкого расстояния. С двух-трёх метров. Из тела была извлечена пуля калибра девять миллиметров. Второе ранение было сквозным. Убийца, стрелявший с трёх метров, справился, в общем-то, со своей задачей. Обе пули попали в жизненно важные органы. Одна даже задела сердце. Стрелял человек, ранее уже управлявшийся с пистолетом. И, что важно, задачи добить жертву у него не было. Убийца только забрал деньги, оставив потерпевшего живым и в сознании. Значит, он не опасался, что жертва его опознает, сможет выдать.

Справку в банке я получил быстро, всё подтверждалось. Корнеев девятнадцатого апреля снял два миллиона рублей. Вот именно эту сумму и похитили у него.

В парке я оказался раньше Валентины. В ожидании прогуливался вдоль сталинградского вида восьмиэтажной, чернеющей провалами окон заброшенной больницы. Тёмные оконные проёмы завораживали своей бездонной чернотой. Было странное ощущение, словно кто-то или что-то наблюдает за мной из чернильной пустоты здания. Может быть, это Корнеев, с недавнего времени оставивший меня в покое, вздумал поиграть со мной в прятки? Вглядываясь в эту пустоту, я пытался увидеть его в одном из окон, и в какой-то момент мне вдруг показалось, что в пустующих окнах мелькнули чёрные силуэты жертв. Это, должно быть, бомжи. Да, это бомжи облюбовали пустующее здание. Они. Мои мысли как-то незаметно перескочили с Корнеева на старые дела, которые мне довелось закончить ранее. До перехода в это следственное управление, работая в районной прокуратуре, я направлял в суд каждый год примерно двадцать дел о совершённых убийствах. Если учесть, что в районе проработал десять лет, то, значит, по моим делам убитых человек двести пятьдесят. По каким-то делам убили

сразу двоих, а было так, что и четверых. Я смотрел на зияющие окна заброшенного, пустынного здания и мысленно расставлял в каждом оконном проёме всех тех, кого помнил из жертв по своим старым делам. Оказалось, память моя сохранила имена очень многих. Если не всех. Но это были дела в основном бытовые. Сын убил отца, муж – жену, дочь – родную мать, брат – брата, дедушка – внука, внучка – бабушку, жена – мужа, племянник – всех своих родственников сразу, сосед – соседа... В основном люди били своих. В последнее время специфика убийств поменялась. Пошли убийства всё больше заказные, тщательно продуманные. Нередко они оставались нераскрытыми. Вот и мой Корнеев, не исключено, из этой же категории, заказных...

А, ну вот и Валентина! На этот раз она была не в джинсах, а в цветастом платье, поверх которого надела нарядную ветровку. Я отметил про себя, что этот наряд вуалирует её обычную агрессивность и напористость. И вообще, женщина-то неплохая. Можно сказать, даже хорошая. И чего это я не оценил её как следует в своё время? Да, к слову сказать, и сейчас ещё не поздно это сделать. Через плечо у Вали свешивалась изящная сумочка, из которой она извлекла записную книжку.

– Так вот, Иван Иванович! Я нашла... – она многозначительно на меня посмотрела, – ...нашла в Челябинске компаньона Корнеева!

– Ну, нашла, нашла. Ты уже говорила об этом. И что дальше?

Взгляд женщины мечтательно устремился на покачивающиеся верхушки корабельных сосен.

– Надо сказать, довольно приятный молодой человек. Лаптев Михаил. Спекулирует редкоземельными металлами, ртутью, кадмием и так далее. Похоже, убитый Корнеев занимался этим же бизнесом. Встреча у них, действительно, должна была состояться двадцатого апреля в девять часов в парке имени Пушкина в Челябинске. Корнеев должен был передать Лаптеву два миллиона. А тот ему приготовил пять граммов какого-то вещества, в состав которого входил стронций. Для чего, где всё это может быть использовано – он не пояснил. Есть спрос – вот и занимаются этим.

– У них постоянно были подобные контакты? – Я глядел на носки своих туфель, и что-то мне подсказывало, что Валентина провела встречу с Лаптевым не где-нибудь, а в кафе.

– Не то чтобы постоянно, но пару сделок они уже совершили.

– Называл ли этот Лаптев ещё какие-нибудь фамилии? Тех, кто занимается этим бизнесом здесь, в Екатеринбурге?

– Да, называл, – Валентина заглянула в свою записную книжку. – Я записала с его слов десять фамилий. Есть с кем работать.

– Ну да, – согласился я. – Допрашивать придётся всех, ведь у них мог быть взаимный обмен информацией.

– Лаптев, однако, клялся, что он сам о предполагаемой сделке с Корнеевым никому не говорил. Не в его интересах была утечка информации. – Валентина остановилась, посмотрев на меня. – Как мы и видим, этот Лаптев остался в результате убийства при своём интересе.

– Понятно, – сказал я. Мне было совершенно ясно по блуждающей улыбке Валентины, что она очень хорошо провела время с этим Лаптевым. – У нас теперь есть с кем работать. Ты собери всю, какую сможешь, информацию об этих спекулянтах. И главное, как часто у них пересекались пути с нашим Корнеевым.

– Может быть, Лаптева из Челябинска сюда выдернуть? – спросила Валентина.

Я уже хотел было распрощаться с Валентиной, но, услышав от неё в очередной раз про Лаптева, решил повременить с этим: предложил заглянуть в ближайшее кафе недалеко от общежития Горного университета. Не знаю почему, но вдруг захотелось посидеть с ней здесь. Я любил иногда сюда заглядывать. Сидел в одиночестве за чашкой кофе, поглядывал на симпатичную девушку за барной стойкой. Люди здесь собирались только к вечеру,

но девушка всегда находила себе работу и днём. Переставляла товар, вытирала пыль... Вот сюда я и привёл Валентину. Заказал себе кофе, а Валентине бутылку охлаждённого пива, как она пожелала. Слушая её оживлённую речь, я глядел в окно на недостроенную телевышку. Челябинские строители возвели шпиль не меньше, наверное, Эйфелевой башни, но почему-то дело у них дальше не пошло. И башня, пик которой терялся в облаках, постоянно окутывавших город, стал прибежищем экстремалов да самоубийц. Человек пятьдесят уже воспользовались её услугами для своего последнего шага. Смотрелась она в окне, как картина в раме.

Не скрою, порою и меня притягивала земля, когда я смотрел вниз с балкона своего двенадцатого этажа на Юго-Западе. Несколько лет назад, провожая взглядом свою последнюю в жизни сигарету, звёздочкой прокладывавшую мне путь в ночи, я вдруг услышал:

– Отойди от перил!

Мне даже не пришлось оборачиваться. Голос отца, мягкий и несколько приглушённый, я узнал сразу. Он чувствовал свою вину и, думаю, понимал – своим безумным поступком увеличил мои шансы решать жизненные проблемы быстро и разом, если не выстрелом себе в голову, то прыжком с балкона.

Посидев в обществе Валентины ещё минут десять, я понял, что, скорее всего, придётся менять опера. Было понятно, что мысли женщины всё чаще улетают в сферы, далёкие от уголовного дела, далёкие от меня и от Корнеева. Поручив Валентине поиски возможного любовника Корнеевой, я ушёл. Возвращался тем же путём, через Зелёную рощу. Когда проходил мимо заброшенной больницы, краем глаза заметил Корнеева, отделившегося от чернеющей в глубине окна стены и устремившегося следом за мной.

«Редкоземельные металлы... государственные интересы...» – вертелось у меня в голове. В своей работе я сформировал некоторый философский подход к жизни. За годы следственной практики, как у врача покоятся его пациенты на кладбище, в сейфе у меня пылилось уже не одно загубленное, нераскрытое убийство. Прошло то время, когда я не мог уснуть ночью в страхе, что убийство останется тёмным. Да, первая неделя всегда бессонная. Этого требует ритм первоначального этапа расследования по горячим следам. Ну, а затем, найден убийца или нет, работа переходит в рутинную стадию. Следователь смиряется с тем, что он не способен перепрыгнуть через собственную голову. Да и свежие уголовные дела начинают подпирать. Но всякий раз, когда не удавалось раскрыть очередное убийство, я чувствовал, что не дело отправляю навечно пылиться в сейф, а своими руками хороню покойника на кладбище. Ночью приснился сон, в котором на меня падала недостроенная телебашня у общежития Горного университета. Она медленно заваливалась, сгущая надо мной тень. Я бежал прочь изо всех сил и с ужасом начинал понимать, что это катастрофа, масштаб которой начинаешь осознавать только в последние секунды.

11

Озадачив Валентину поиском возможного любовника Корнеевой, я решил переключиться на отработку новой версии и допросить Берсенёва. Незадолго до убийства он укладывал ламинат в квартире Корнеевых. Почти месяц ламинатчик находился рядом с Корнеевым и мог получить информацию о готовящейся сделке и наличии у Корнеева крупной суммы денег. Поэтому вполне мог оказаться причастным к убийству. Наверное, как писателю, чтобы написать один хороший рассказ, надо написать десять неудачных, так и следователю – выход на нужный след предполагает блуждание по десяти ложным. При этом ложный след имеет все признаки верного пути. Тут можно при желании увидеть всё: и преступника в честном человеке с его скрытым интересом, и хитрую, искусную маскировку, и попытки направить следствие по ложному пути. А если немного пережать в своём усердии, то можно получить и явку с повинной. Десять направлений, и по каждому – своя явка с повинной. И каждый раз, когда следователь ступает на этот новый след, сердце его в какой-то момент замирает – а вдруг это есть то самое настоящее! Тот самый единственно верный путь! Как у грибника, разрывающего кочку и уже видящего своим внутренним взглядом под ворохом прелой листвы крепкую грибную шляпку. Или как у азартного игрока, открывающего карту. Самое главное, надо ступить на этот путь и пройти его.

И раньше я уже пытался звонить Берсенёву по номеру сотового телефона, который дала Корнеева. Однако абонент постоянно оказывался недоступен. Наконец в строительной фирме удалось получить информацию о том, что мастер работает в Сысертском районе. Как заверил меня руководитель строительной фирмы, село Никольское всего лишь в часе езды от Екатеринбурга. На своей застоявшейся «Ладе» я до Никольского доехал за сорок минут с ветерком. Благо трасса была отличная. Когда оказался на месте, то почувствовал, что поездка хотя бы в одном своей цели достигла – я от быстрой езды немного воодушевился и, как говорится, воспрял духом, компенсируя некоторое тревожное состояние из-за весьма скромных достижений в расследовании.

Село мне понравилось. Раскинувшееся на старом Челябинском тракте, вдоль необыкновенно красивого озера, оно было населено, судя по всему, умелыми рыбаками. То у одного, то у другого дома можно было увидеть искусно вырезанного из фанеры окуня, леща, щуку. На любой вкус. Это означало, что у хозяев можно при желании разжиться рыбкой. Противоположный берег озера густо порос лесом, источавшим многочисленные чистые, профильтрованные лесным болотом ручейки, которые и питали это озеро. Лес поднимался в живописные синие горы. Здесь, ближе к югу, горы уже не казались дикими, как на севере области, где я был недавно в командировке. Там горы пугали непроходимыми болотами, полусгнившими березами и поваленными соснами. Тут же лес радовал, успокаивал сказочным видом, светлым отражением в озере, уместившим в себе и прозрачное весеннее небо, и голубые горы. Мой следственный опыт, однако, подсказывал, что нередко под светлой озёрной гладью на поверку оказывается губительная болотная ряска. Да я и не собирался здесь открывать купальный сезон. Мне надо было лишь ковырнуть одного человечка, скромного на вид труженика, который вполне может оказаться матёрым убийцей.

Берсенёва я нашёл быстро. Увидев меня, он не удивился, словно давно ждал следователя. Занятия своего плотник, однако, не бросил, продолжал подколачивать свежевystруганную доску.

– Ишь какой умелый и расторопный мастер! – насмешливо покачал головой Корнеев. На этот раз он не плёлся, как обычно, за мной, а чуть ли не оленем скакал впереди, словно ведомый предчувствием скорой развязки. – У меня так три недели ламинат стелил. Ровно неделю на одну комнату. С бесконечными перекурами да опозданиями. Всё вынюхивал чего-

то, приглядывался. Думаю, он просто, господин следователь, боится смотреть вам в глаза. Вот и не отрывается от работы. Шуганите-ка его, допросите-ка с пристрастием! Чую, рыльце-то у него в пушку!

Однако я не спешил отрывать Берсенёва от работы. Задавая вопросы, внимательно следил за ним. Человек производил или ловко пытался произвести впечатление хорошего плотника. На моих глазах, отвечая на вопросы, он мимоходом установил на недавно выстроенной веранде красивые перила из жёлтой, как только что взбитое масло, липы. Аромат свежей древесины напомнил детство. Взгляд невольно остановился на валявшейся скрученной стружке. Волнующий, как хорошие женские духи, тонкий запах древесины пробудил вдруг во мне желание поднять с земли стружку и спрятать в кармане. Берсенёв перехватил мой взгляд и замолчал. Видать, ждал, поддамся ли я первому импульсу или же задушу свой душевный порыв.

– Вы заметили? – воскликнул обрадовано Корнеев. – Стоило вам спросить про деньги, как он тут же замолк, сбился. Тот ещё ловчила! А денежки-то как любит! Втридорога содрал с нас за свою халтуру!

Тем не менее плотник если и отрывался от работы, отвечая на очередной вопрос, то потом неизменно к ней возвращался.

– О деньгах я с Корнеевым не говорил, – пояснял Берсенёв. – Все денежные расчеты по работе производятся на фирме. У нас всегда так. А как по-другому? Я же не частник. Конфликтов между нами не было. К работе моей он претензий не имел. Да и какие они могли быть? Дело своё я знаю. Смотрела и принимала работу его супруга. А самого Корнеева я видел редко. Да можно сказать, и не видел. Так, один-два раза. Обратил внимание, приходил и уходил он всегда с шумом. Никогда не раздевался и не разувался. Так, прямо в башмаках, по новым полам топал из комнаты в комнату, рылся в мебели, вещах, ругался с женой и уходил. Меня не замечал. Слышал как-то, кричал он на жену: «И ещё на коттедж претендуешь!» А потом: «Голову тебе оторву – на раз. Вот лучше ты меня не зли!» В общем, та ещё семейка.

– Обычный приём, господин следователь! – Корнеев, словно он не призрак, а новомодный экстрасенс, стал делать руками какие-то пассы над головой Берсенёва. – Не верьте ему! Вы ещё увидите его подлинное лицо! Без этой маски работяги-простака!

Да кому я верил в этой жизни? Кто хоть раз окажется в обманутых простаках, тот уж никому не доверяет. Спасибо Светлане за науку! Тем не менее в чём-то плотник снискал моё уважение. Наверное, тем, что он, как и следователь, работая со своим материалом, искал тот единственный результат, ради которого и строилась вся его деятельность. Только у него этот результат называется гармония, а у меня – справедливость. Пожалуй, так. Не меньше.

Я пригласил Берсенёва в стоящий неподалёку дом, оформил протокол допроса и вскоре поехал обратно. Выводы делать было рановато. Пока никто из проверяемых не дал повода работать с ним вплотную и интенсивно. Берсенёв не вызвал никакого подозрения. Честный, простой работяга. Так же и владелец автосалона Смольянов по большому счёту тоже оставался для меня вне подозрений. Хотя складывалось впечатление, что ему известно больше, чем было сказано. Так и не допрошенный Бекетов, другой товарищ пострадавшего Корнеева, показался мне конченным человеком, ни на что не способным. Но то, что он так ловко ушёл от общения со мной, всё-таки настораживало. Логичным и обоснованным было поведение челябинского компаньона Корнеева. Водитель Корнеева Калабошкин – хотя и скользкий тип, но какой-то уж явно ограниченный и тупой. Такой способен в своей машине придушить человека и неделю ездить с трупом на заднем сиденье. Но вряд ли его хватит на продуманное и дерзкое нападение. Мечь со стороны родственников убитого Корнеевым таджика? В принципе, это возможно. Но пусть эту версию Валентина проверяет. Мне она кажется маловероятной. Всё-таки версия о семейных разборках предпочтительнее. Уж больно жёсткой женщиной Корнеева мне показала. Вот уж никогда бы не подумал про Светлану! Да ещё, конечно, неохваченные связи самого Корнеева что-то могут дать...

Ну, ладно, хватит об этом. Ровное, с гладким асфальтом полотно дороги от Никольского до Челябинской трассы, лентой разворачивающееся в причудливых, но плавных изгибах, спусках и подъёмах на фоне живописного соснового леса, заставило меня увлечься быстрой ездой. И, уже не думая над деталями дела, я придавил педаль газа до пола, полностью отдаваясь ощущению скорости. И снова, в который уж раз, услышал отца:

– Не гони!

Я бросил взгляд на стрелку спидометра и, невольно вздрогнув, притормозил. Когда вдруг, совсем неожиданно, появился поворот на новую Челябинскую трассу, стало жалко, что снова придётся вливаться в общий поток.

Сегодня мне предстояло ещё одно следственное действие. Оперативники никак не могли доставить в следственное управление Бекетова. Дверь в его квартиру всегда была на замке. Складывалось впечатление, что в прошлый визит на Вторчермет увидеться с ним удалось случайно. На этот раз я решил приехать к Бекетову с понятыми, при необходимости вскрыть квартиру и произвести там обыск. Так всё и вышло. Бекетова дома не оказалось. Пришлось вызывать из ЖЭУ слесаря, который, пытаясь отжать ригель замка, стал возиться с дверью неожиданно долго. Кончилось тем, что один из оперативников с силой пнул дверь, выбив замок, и мы все прошли в квартиру. Я приступил к обыску, методично, от входа и по часовой стрелке. Понятые растерянно оглядывались – присаживаться здесь было негде, а чем дольше здесь находишься на ногах, тем больше было шансов попасть рукавом в кастрюлю с прокившим супом или наступить на валявшиеся прямо на полу слякотные огрызки огурцов. По встревоженным лицам понятых было видно, что они опасаются, не извлечёт ли сейчас следователь из-под кровати покойника. Из-под кровати я, однако, извлёк не труп, хотя по сгустившемуся в квартире аромату гниения можно было допустить и такой вариант, а чёрный пластмассовый дипломат. Повеселевшие оперативники, поманив пальцем понятых, сгруппировались вокруг меня. Два миллиона рублей насчитал я в дипломате! Два миллиона в ровных, аккуратно перевязанных бумажными лентами пачках.

– Оп-паньки... – произнёс вполголоса кто-то из милиционеров. Кажется, Федосеев, самый старый в Центральном райотделе оперативник.

Все присутствующие такому исходу следственного действия явно обрадовались и закурили вдруг разом, зашумели. Даже пожилые понятые качали головами и возбуждённо обменивались впечатлениями от находки. Дрожащими от волнения пальцами я снова стал пересчитывать деньги. Два миллиона. Это означало, что убийца Корнеева найден!

12

Уже в следственном управлении вынес постановление о заключении Бекетова под стражу. Не верилось, что преступление раскрыто. Точно так же не верит порой в свою удачу рыбак, дёрнувший удочку с взметнувшейся в небо рыбкой. Она трепещет и сверкает на солнце серебром чешуи, парит рядом со стрекозами и, кажется, готова устремиться вместе с юркими стрижами в небо. Только не на берег, только не в рыбацкий садок! Следственный опыт подсказывал мне, что впереди ещё предстоит тяжёлая, кропотливая проверка всевозможных оправдательных версий Бекетова. Для того чтобы найденная улика заиграла, требовалось сделать очень много. Предстояла нудная процессуальная работа. Необходимо идентифицировать дипломат и провести его опознание; деньги также надо будет связать с конкретным фактом их выдачи определённому лицу. А пока что я назначил криминалистическую экспертизу для выявления отпечатков пальцев на дипломате.

Многим нравится азартно ловить рыбу. Но никому – чистить её от осклизлой неподатливой чешуи, вспарывать живот и потрошить живую и вёрткую, отчаянно выskalывающую из рук. Маловероятно, что Бекетов полезет на раскалённую сковородку правосудия добровольно, без усилий с моей стороны. Достаточно тупо сказать следователю: «Я не знаю, откуда в моей комнате дипломат. Кто-то подбросил», – и мне уже давить на него будет нечем. Правда, есть ещё оперативники с их специфическими методами выколачивания признания. Это самый простой и лёгкий способ раскрытия убийства. Опер Федосеев, ещё тот плут, оправдываясь, говорил: «Если инструкция для лётчиков написана на крови, то Уголовно-процессуальный кодекс составлен романтиками и мечтателями. Как его не нарушить?» В какой-то мере он прав. Законодатель продолжает видеть в убийце человека, даже если тот перестал быть таковым. Тем не менее методы оперативников мне не подходили. И не только потому, что я боялся сесть в тюрьму вместе с милиционерами. Мне было известно, что как легко подозреваемый пишет в кабинете оперативника явку с повинной, так же легко он от неё в дальнейшем отказывается. При этом первоначальное его признание вкупе с имеющейся пусть и не стопроцентной уликой очень часто становится залогом обвинительного приговора. И нередко – ошибочного приговора.

Валентина принесла из Орджоникидзевского РУВД список родственников погибшего таджика. Но я даже не взглянул в него. Список так и лежал сиротливо на краю стола, где его оставили. Было уже не до него. Послал по следу Бекетова оперативников. Распорядился также установить и доставить на допрос людей из его окружения. Только я отдавал одно распоряжение, как тут же, по другому телефонному номеру, торопил экспертов. Расследование принимало уже обычную рутинную и в какой-то мере канцелярскую форму. Валентине, чтобы она сильно не расхолаживалась, пришлось поручить подготовить опознание найденного у Бекетова дипломата. Ей также предстояло найти понятых и подобрать парочку схожих чемоданчиков для демонстрации свидетелям. К исходу дня я провёл это опознание. И Корнеева Светлана, и водитель Калабошкин подтвердили принадлежность чемоданчика погибшему Корнееву. Таким образом, следствие располагало одной из важнейших улик – дипломатом с деньгами. Теперь следовало найти огнестрельное оружие, из которого были произведены два выстрела в Корнеева. Во всяком случае, уже можно было утверждать, что один из причастных к убийству фигурантов (если соучастники вообще имелись в этом деле) установлен. Это Бекетов – друг пострадавшего. Как я и предполагал, убийца оказался из ближайшего окружения жертвы. Теперь всё зависело от оперативности и умелости сотрудников милиции и от того, насколько быстро они произведут его задержание. Боже упаси сейчас дать слабину и позволить убийце ускользнуть куда-нибудь в глухомань. Ориентировки в отношении Бекетова были направлены в аэропорты, автостанции и железнодорожные вокзалы Екатеринбургa и Челябин-

ска. Однако задержали его совсем неожиданно и не там, где ожидалось. Беглый киллер попался с сумкой, набитой полторашками пива, недалеко от дома своей подруги, там же на Вторчермете. Бекетов как завёлся, видимо, ещё при задержании, так и продолжал шуметь уже у меня в кабинете. Радостные от удачно выполненного задания, оперативники были с Бекетовым необычно вежливы и корректны. Непривычно улыбочивые, как японские дипломаты на официальном приёме, они сдали мне Бекетова и быстро ушли.

– А парочку хороших отрезвляющих тумачков?! – возмущался Корнеев, провожая оперативников. – Кто даст Бекетову хороших отрезвляющих тумачков? Пиво они пошли пить!

Разговаривать с Бекетовым было бесполезно. Он совершенно меня не видел. Своим пьяным взглядом он гонял Корнеева по кабинету из угла в угол и кричал:

– Дипломат? Какой такой дипломат? Подбросили! Черти! Мать вашу! – Он махал руками и вертел головой по сторонам, как рассерженный павиан. Пришлось мне вызвать конвой и отправить Бекетова в следственный изолятор. Работать сейчас с ним было бесполезно. Кроме чертей, похоже, он никого не видел.

Заключение криминалистической экспертизы меня удивило. Отпечатки пальцев на дипломате принадлежали другому лицу. Пьяница Бекетов спрятал дипломат с деньгами под своей кроватью, но предварительно стёр с него отпечатки своих пальцев и дал подержать его постороннему человеку – так, что ли, получается? Странно, ничего не скажешь. На моей памяти бывали случаи, конечно, когда прибывшие на место происшествия генералы заляпывали своими шаловливыми ручками орудие убийства и другие важные улики. Но в этом случае я сразу исключил такую возможность. Теперь остаётся только предположить, что дипломат Бекетову действительно подбросили. Хотя если бы хитроумный убийца решил подкинуть чемодан, то почему он не сделал такую простую вещь – не избавился от своих отпечатков пальцев? Да ещё и деньги, два миллиона. Из-за купюр убить человека и затем их выбросить, только чтобы ловчее замести следы? Достаточно оставить пустой дипломат.

Новая встреча с задержанным мне ничего не дала. На этот раз он, наоборот, был очень немногословен. Только устало отрицал свою причастность к убийству. Я распорядился, чтобы принесли одну из полторашек пива, изъятых при задержании, и один стакан. Бекетов широко улыбнулся при виде хмурого милиционера с пластиковой бутылкой. Тот нёс пиво, как от себя отрывал.

– А чего стакан-то один? – удивился подозреваемый. – Тащи второй!

– Ну-ну! – урезонил я Бекетова. – Ты пей своё пиво, нас угощать не надо!

– Вот это я понимаю, гражданин следователь! По-человечески! – радовался он, распечатывая бутылку и торопливо заполняя стакан тёплым, пенистым напитком.

– Ох, и скользкая эта рыба, Бекетов! – сказал Корнеев, сопровождая взглядом стакан.

Нет, не может человек так ловко притворяться! Не мог он меня перехитрить! Похоже, думал я, он ведёт себя вполне искренне и естественно. Уж больно глупо как-то получается. По-серьёзному, значит, замочил бизнесмена, а затем бросил деньги под кровать и пирует где-то с синявками и дешёвым пивом?

– А почему бы и нет, господин следователь? – крутился рядом со мной Корнеев. – Разве это не вы говорили, что в жизни всё идёт рядом, рука об руку? И глупость, и мудрость. И святая простота, и изощрённое лукавство... Колите, колите его, пока он тёпленький! Не дайте ему выскользнуть! Ох, чувствую по его тухлому взгляду – это ещё та рыба!

– Ну что? Я так понял, дело раскрыто? – Брагин жестом пригласил меня присесть, продолжая набирать номер на массивном, стилизованном под старину телефонном аппарате. Не дозвонившись, он положил трубку и устался в угол, словно видел сидевшего там своего предшественника, горемыку Вадима Потапова. Нет, конечно, Вадима он не видел, хотя тот смотрел на Брагина в упор. Это просто манера у начальника была такая, не смотреть собеседнику в глаза. Я уже догадывался, начальнику не очень комфортно было со мной в одном отделе.

Подозреваю, что из его памяти не выветрились те щелчки по носу, которые я давал ему, когда он ходил у меня в стажёрах.

– Сейчас начнёт, – предупредил меня из своего угла Вадим. – Будет склонять тебя на фальсификацию.

– Иван Иванович, когда статистическую карточку на раскрытие убийства выставишь? Ты что, обвинение Бекетову ещё не предъявил? Чего тянем-то? Я уже шефу доложил, что дело раскрыто...

– Лизоблюд! – не выдержал Вадим, вскочив со стула. – Мало того что на моём месте оказался случайно, он ещё подчиненных подбивает на должностное преступление! Как дал бы ему в нос сейчас!

В бешенстве Вадим скинул на пол пепельницу из под локтя Брагина.

– Чёрт! – выругался Брагин и стал, пыхтя, собирать окурки с пола. – В общем, так, Иван Иванович. Предъявляй обвинение Бекетову, выставляй карточку на раскрытие. – Он поднял на меня раскрасневшееся лицо и добавил: – Иначе неприятности будут у нас обоих.

Валентина куда-то исчезла, а разыскать её не доходили руки. Сейчас я в основном работал с оперативниками Федосеевым и Полушкиным.

Федосеев был уже стар для оперативника, но хитёр как чёрт! Он перебрал все службы в милиции. Начинать с участкового, затем поработал следователем, розыскником, потом сидел в дежурной части. И вот, дослужившись до подполковника, дорабатывал до пенсии оперативным уполномоченным. Управлять им было совершенно невозможно. В группе моего сопровождения на обыск к Бекетову он появился, скорее всего, из любопытства. В дежурке сидеть ему было скучно. Теперь, когда убийство обещало перейти в разряд раскрытых, он проявлял завидную активность. Буквально не покидал мой кабинет, ожидая дальнейших указаний. Второй оперативник, Полушкин, – ещё совсем молодой, но не менее хитрый, чем старый Федосеев. Ко мне он напросился, чтобы избежать более трудоёмкого задания этапировать двух опасных преступников из Сургута. И вот они сидели, комфортно устроившись в следственном кабинете, курили свои дешёвые сигареты и пили мой дорогой кофе, ожидая дальнейших указаний. К себе в отдел они уходить не хотели. Подобрались два хитреца!

– А может, прессануть его, Иваныч? – поинтересовался Полушкин, отхлёбывая из чашки горячий ароматный напиток. Он оседлал стул верхом, так, чтобы можно было удобно облокотиться на спинку стула, удерживая в одной руке чашку, а в другой дымящуюся сигарету. При этом он делал вид, что не замечает, как пепел с его сигареты сыплется прямо на свежевыкрашенный пол. Ему было лень искать пепельницу.

Федосеев закатил глаза к потолку, качая укоризненно головой, как бы говоря: «Ну что с такого взять!» Он отлично знал, что маленький, пухленький, женоподобный Полушкин никогда не участвовал в подобных незаконных и опасных мероприятиях, проводимых иногда по отношению к особо наглым и строптивым подозреваемым.

– Надо вот что, – сказал я, раздражённо тасуя материалы уголовного дела. – Надо очень тщательно, чтобы не пропустить никого, опросить всех жильцов в доме, где проживает Бекетов. И если кто из них что-то может сказать о чужих визитёрах, появлявшихся в доме в последнее время, – сразу их тащите на допрос ко мне.

Я замолчал, углубившись в изучение материалов дела. Мне казалось, оперативники после этого должны бегом бежать на Вторчермет и выполнять моё поручение.

– И я бы вот что ещё сделал, Иваныч, – сказал Полушкин, наполняя, наверное, уже четвёртую или пятую чашку кофе, – надавил бы на Бекетова, а не состоял ли он в преступной связи с Корнеевой? В смысле, не был ли он её любовником?

Почувствовав моё недовольство, они поставили чашки на стол и ушли. Ну как с такими бездельниками быстро раскроешь дело? Да ещё когда тупой начальник давит тебе на мозг.

13

Предстояло вызвать Корнееву в следственное управление и передопросить с учётом появившихся в деле обстоятельств. Заодно откатать её пальчики на дактилоскопическую карту для последующей экспертизы. Так, на всякий случай. После наших нескольких встреч Корнеева держалась свободнее, и в кабинет она вошла уверенно, я бы сказал, буднично, словно между делом навещая старого приятеля. И даже кивнула мне, как хорошему знакомому. А я поймал себя на мысли, что уже не мучаюсь перед дилеммой, раскрыться перед ней или нет. Напомнить женщине о наших встречах или сделать вид, что ничего и не было? Откроюсь – и что дальше? Допросы будем чередовать с воспоминаниями о прошедших любовных встречах? Теперь я о ней думал исключительно как о потерпевшей. Вдова убитого Корнеева, которую я забуду, как только напишу обвинительное заключение. И лишь иногда, в свободную минуту, когда позволю себе распечатать бутылочку пива дома у телевизора, может быть, вспомню ту осень в общежитии на Июльской.

– Упустил ты свою птицу счастья, – упрекал меня Роман, стоя у раскрытого окна. Он сплевывал крошки табака и разглаживал свои пышные кавказские усы. Кольшущиеся от сквозняка занавески обдавали меня табачным дымом вперемежку с ароматом березовых почек. В последнее время комендант периодически сменял Корнеева, словно они сговорились дежурить возле меня. Надменный чеченец смотрел в окно и, не поворачивая головы в мою сторону, задумчиво смолил сигарету за сигаретой, словно хотел накуриться за всю непрожитую жизнь. Я слышал от сокурсников, что Роман, когда в Чечне началась заварушка, подался в боевики к Басаеву и был убит при захвате больницы в Будённовске. – Такую женщину, как Светка, ты больше не встретишь.

– Может быть, чашку кофе, Светлана Андреевна?

– Нет, спасибо, – коротко отказалась Корнеева, настроенная, похоже, говорить только по делу.

– Мы раскрыли убийство, – сказал я, наливая ей кофе.

Корнеева, поблагодарив меня, тут же решила всё-таки его попробовать.

– Мне-то сейчас вы сможете назвать имя убийцы? Или это пока что тайна следствия?

– Могу. Но прежде ответьте мне на несколько вопросов.

– Пожалуйста, – согласилась Корнеева. Кофе ей определённо понравился. – Буду рада, если чем-то помогу следствию.

– Это верно, что вы с Корнеевым несколько лет сожительствовали, не оформляя брака?

– Да, верно. Мы пробовали тогда заняться совместным бизнесом, торговали недвижимостью. Ну и присматривались другу к другу, проверяли свои отношения на прочность.

– Судя по всему, торговля недвижимостью у вас шла успешно. Ведь именно тогда вы приобрели коттедж в посёлке Решёты?

– Да, верно, – Корнеева нахмурилась. – Но для этого мне пришлось продать свою квартиру на улице Ясной. Корнеев, можно сказать, тут ни при чём.

– Поэтому дом и был зарегистрирован на ваше имя?

– Ну да, именно поэтому. А почему же должно быть по-другому?

– Согласен. А квартира на Коуровской? Она была вашей совместной собственностью?

– Купили её во время нашего брака, но оформлена на дочку. Настя, дочка, является собственником квартиры. Так кто убийца-то?

– Бекетов.

– Бекетов? Так я и думала! Конченный человек этот Бекетов! Ради денег друга убил! А всё водка...

– Ну, а джип. На кого зарегистрирован джип?

– Что? Какой-то джип?
– «Киа Соренто».
– А, вот вы о чём... Да на Корнеева и был зарегистрирован.
– У вас с мужем были конфликты по поводу раздела имущества?
– Нет. Какие могут быть конфликты? Что вообще делить-то было? Машину? Да я на неё и не претендовала. Его байк? Да на чёрта он мне сдался! Так что Бекетов? Арестовали уже?
– Погодите. Вопрос о разводе, я так понял, у вас был уже решён?
– Да. Мы уже несколько месяцев, как в разводе, раздельно жили. Хотя и не оформили расторжение брака.

– Он продолжал приходить домой к вам?
– Иногда заскакивал забрать то одно, то другое. Ночевал, случалось, – если видел, что я хочу остаться одна. Из вредности оставался. Была у него такая черта – делать что-то из вредности, чтобы насолить мне. Да к чему всё это? Вы же сказали, что убийство уже раскрыто!

– Ну, хорошо. К вам он относился как к врагу. Ну, а к дочке своей? Так же? Или сохранял родственные отношения?

Корнеева улыбнулась куда-то в сторону.

– А у него и не было своей дочки. Когда мы с ним сошлись, Настя у меня уже была. И она вовсе не его дочь. И не Смольянова, с которым я жила ранее. Грехи молодости, так сказать...

После некоторой паузы я продолжил допрос:

– Настя жила вместе с вами?

– До последнего года. Пока не познакомилась со своим женихом, Мишей. Познакомились и стали жить вместе. Снимают квартиру. Миша тоже следователь.

– Вот как? – удивился я. От удивления я даже перестал делать пометки в своём блокноте. В таких случаях, чтобы не снижать психологического накала, оформлением протокола я занимался позднее.

– И где же, интересно, он работает следователем?

– Он ездит в Чечню; знаю, что надолго. А здесь обычно сопровождает какие-то важные грузы по железной дороге.

– Ах, вот оно что! – я снова обратился к своему блокноту, сделав очередную пометку. Миша был милиционером-охранником.

И, не поднимая головы, уточнил:

– А сколько лет вашей дочери?

– Двадцать.

Двадцать! Ручка в моей руке замерла на какое-то мгновение. Но я продолжил:

– Как Миша воспринимал ваши конфликты с Корнеевым? Или это его не касалось?

– Миша был нам барьером. Он сдерживал нас обоих. – Она задумалась. – Честно говоря, если бы не Михаил, то Корнеев, думаю, действовал бы со мной ещё жестче.

Выждав паузу, я сказал уже несколько другим тоном:

– Ну, а как Михаил отнёсся к ссоре между Корнеевым и Настей?

Я имел в виду ту стычку между ними, о которой упоминал сосед Павлюченков, когда Корнеев отказывался подвозить Настю на своей машине.

Корнеева бросила на меня быстрый взгляд.

– Ну, я так и знала, что вы об этом спросите! Только уж больно долго вы к этому подбились. Как! Как! – Корнеева раздосадовано посмотрела по сторонам. – Тогда, полгода назад, я была в командировке в Нижнем Новгороде. Корнеев и Настя оставались одни. Миша находился в Чечне. Когда я вернулась домой, вошла в квартиру, то не сразу поняла, что происходит. Из дальней комнаты доносился вой. Я и не подумала, что это Настя. Слышен был голос Корнеева. И вдруг меня как молнией пронзило. Мишу, думаю, в Чечне убили! Поспешила туда,

в комнату... – Корнеева расстегнула сумочку, которую держала на коленях, достала сигарету и закурила. После этого посмотрела на меня и спохватилась, отставив сигарету в сторону:

– Можно? Я вижу, вы не курите.

– Курите, курите!

– Когда я зашла туда, в спальню, то встала и стою, глазами хлопаю. Что к чему – понять никак не могу. Настя на кровати лежит в разодранной ночной рубашке. Уткнулась в подушку лицом. Корнеев штаны на себя натягивает... Хоть и не отец он ей, но при нём же я Настю воспитывала! Вот подонок! Чтоб его там черти разодрали! Грязная скотина!

Корнеева разволновалась и, порывисто поднявшись, подошла к окну; несколькими глубокими затяжками докурила сигарету и выбросила окурочек в форточку. Тяжко вздохнула.

– В общем, Настя, дурочка, как я её ни предупреждала, рассказала всё жениху.

– Ну, и что Миша?

– Миша? – Корнеева усмехнулась. – Как ни боялась я дальнейшего, но даже разочарована была. Я думала, что Миша Корнеева убьёт. Но он его только избил. Тогда-то Корнеев и ушёл, стал жить отдельно.

– Ну, а чего вы ожидали? Когда вернётся Миша и Корнеева убьёт? Почему в милицию не заявили об изнасиловании дочери?

– Поймите, я же не думала, что Настя так сглупит! «Молчи, – говорю ей. – Молчи и забудь. А Михаилу – ни слова!» – «Ладно, ладно», – говорила. А потом взяла да и рассказала ему всё! Вот же глупенькая! Когда Корнеева застрелили, я грешным делом подумала, что это Миша сделал. Слава богу, что тогда он был в командировке!

– И вы поверили, что Миша простил Корнееву такое надругательство над своей невестой?

– Нет, он, конечно, ему этого не простил.

– Когда вы виделись в последний раз с Бекетовым?

– Несколько лет назад. На тридцатилетие Корнеева встречались, в кафе на улице Хохрякова.

– Скажите, Светлана Андреевна, – произнёс я, отложив в сторону авторучку, – у вас есть друг?

Я даже не стал извиняться за не слишком деликатное любопытство. Мы всё-таки в кабинете следователя, и речь идет об убийстве.

– А к чему всё это, Иван Иванович, к чему? Никак не пойму! Ведь убийство-то уже раскрыто! Вы же сами сказали, что Бекетов убил! К чему всё это – мой друг, мои семейные дразги, а?

Я молчал.

Корнеева после некоторой паузы сказала недовольно:

– Ну, пожалуй, нет. Нет у меня никакого друга, если вы это хотите знать.

Нет, конечно, я допускал, что убийцей мог быть Бекетов. Но эта версия была очень слабенькой. И я вовсе не намеревался следовать указаниям начальника, замыкая обвинение на этом несчастном пропойце. Пусть следствие идёт своим чередом. После ухода Корнеевой, перечитывая протокол допроса, я выстроил в голове такую картину происшедшего преступления. Миша, будущий её зять, решил Корнееву убить. У Миши есть пистолет. Яснее ясного, что в Чечне, куда он так часто ездит в служебные командировки, добыть можно любое оружие. Миша привозит пистолет калибра девять миллиметров. Но не успевает воплотить в жизнь задуманное, как его отзывают в командировку. Предположим, о его приготовлениях догадывается Корнеева. Она похищает у него пистолет и просит Смольянова помочь ей убить Корнееву. Тот находит исполнителя. Бекетова? А затем подставляет его? Так, что ли, получается? Нет, скорее всего, исполнителя находят другого, а Бекетов оказывается крайним.

Что ни говори, я завяз в этих версиях. Перечитывая протокол, я видел, что начинаю заболеть убийственной жвачкой. Когда течение мысли не совсем правильное, но оно продолжается, здравый смысл начинает бунтовать, и мозг сигнализирует человеку, что всё это неверно и надо возвращаться в исходную точку, к фактам. А к имеющимся фактам прибавился конфликт между женихом Насти Мишей и Корнеевым. Конфликт очень серьёзный. Корнеев изнасиловал Настю! Ну и подонок же, оказывается, этот потерпевший! Не удивлюсь, если ещё что-нибудь выявится. Надо расширять проверку круга людей, с которыми общался Корнеев. Глядишь, и ещё какой-нибудь конфликт выявится, и, возможно, связанный с его бизнесом. Если выяснилось, что Корнеев за один год жизни убил одного человека и изнасиловал женщину, тогда что он натворил за всю жизнь? Кинул, к примеру, с деньгами кого-нибудь в своём бизнесе? Вызвав по телефону Валентину, Полушкина и Федосеева, я решил провести с ними совещание, обсудить версии, определиться на будущее. А на указания Брагина завершить следствие мне было ровным счётом наплевать.

14

Встреча с операми ещё раз напомнила, что за это дело только я один в ответе. И Румянцев, и Федосеев, и Полушкин – все опера как один обиделись на меня. И всё из-за того, что я отказался выставить в информационный центр карточку о раскрытии убийства.

– Иваныч! Ну, предъяви Бекетову хотя бы дежурное обвинение! Ведь очевидно же, это он завалил Корнеева! Во всяком случае, причастен к этому! Тут как минимум соучастие в виде сокрытия следов преступления... Эх! Накрылась квартальная премия! – Федосеев раздосадовано махнул рукой, закрывая дверь кабинета.

Я пожалел, что забыл высказать им вдогонку упрёк о плохой работе. Добро бы они денно и ночью бегали, исправно выполняя мои указания. Нет, Федосеев и Полушкин потратили уйму времени впустую и всё только для того, чтобы выяснить в ходе поквартирного обхода, что к Бекетову в дом приходили только они сами. Но чемодан с деньгами как-то появился под кроватью у Бекетова! Это значит, что Федосеев и Полушкин поверхностно выполнили моё поручение. Только и всего. Иначе получается, что преступник, подкинувший деньги, был в форме сотрудника милиции. Но это маловероятно. Или, что уж совсем сомнительно, деньги никто не подбрасывал, а Бекетов сам спрятал их у себя под кроватью.

Целая бригада сыщиков работает, думал я раздражённо, а результатов работы, которым можно было бы доверять, нет!

Вечером я сам отправился по адресу, где проживал Бекетов. С ним пора было определиться, поскольку срок содержания его под стражей уже истекал. Перед тем как покинуть кабинет, я взбодрился крепко заваренным кофе, пробежался глазами по милицейскому рапорту. Сидоренко В. П., 1952 года рождения, проживающий в квартире №5, – сказать ничего не может. Водолазова Е. М., 1968 года рождения, воспитатель детского сада, из квартиры №6 – то же самое, ничего не видела, ничего не знает. Пермяков Г. К., 1955 года рождения, из квартиры №2 – он-то как раз и говорит, что приходили в дом только сотрудники милиции... Когда и сколько – это Федосеев с Полушкиным уточнить не удосужились. Вот с него, Пермякова, пожалуй, и начну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.